

EUROPEAN RESEARCHER
Series A

Has been issued since 2010.
E-ISSN 2224-0136.
2019, 10(2). Issued 4 times a year

EDITORIAL BOARD

Magsumov Timur – Naberezhnye Chelny State Pedagogical University, Naberezhnye Chelny (Editor in Chief)
Makarov Anatoliy – Kazan Federal University, Kazan, Russian Federation (Deputy Editor in Chief)
Bazhanov Evgeny – Diplomatic Academy Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation
Beckman Johan – University of Helsinki, Helsinki, Finland
Biryukov Pavel – Voronezh State University, Voronezh, Russian Federation
Goswami Sribas – Serampore College, West Bengal, India
Dogonadze Shota – Georgian Technical University, Tbilisi, Georgia
Krinko Evgeny – Southern Scientific Centre of RAS, Rostov-on-Don, Russian Federation
Malinauskas Romualdas – Lithuanian Academy of Physical Education, Kaunas, Lithuania
Markwick Roger – School of Humanities and Social Science, the University of Newcastle, Australia
Md Azree Othuman Mydin – Universiti Sains Malaysia, Penang, Malaysia
Müller Martin – University St. Gallen, St. Gallen, Switzerland
Ojovan Michael – Imperial College London, UK
Ransberger Maria – University of Bayreuth, Bayreuth, Germany

The journal is registered by Federal Service for Supervision of Mass Media, Communications and Protection of Cultural Heritage (Russia). Registration Certificate **EL № FS77-62396 14 July 2015**.

Journal is indexed by: **Academic Index** (USA), **CCG-IBT BIBLIOTECA** (Mexico), **Galter Search Beta** (USA), **EBSCOhost Electronic Journals Service** (USA), **Electronic Journals Index** (USA), **Electronic scientific library** (Russia), **ExLibris The bridge to knowledge** (USA), **Google scholar** (USA), **Index Copernicus** (Poland), **math-jobs.com** (Switzerland), **One Search** (United Kingdom), **OAJI** (USA), **Poudre River Public Library District** (USA), **ResearchBib** (Japan), **Research Gate** (USA), **The Medical Library of the Chinese People's Liberation Army** (China).

All manuscripts are peer reviewed by experts in the respective field. Authors of the manuscripts bear responsibility for their content, credibility and reliability.

Editorial board doesn't expect the manuscripts' authors to always agree with its opinion.

Postal Address: 89, Gorkogo Str., Office 23, Sochi, Russian Federation 354000

Release date 25.06.19.

Format 21 × 29,7/4.

Website: <http://erjournal.ru/en/index.html>
E-mail: evr2010@rambler.ru

Headset Georgia.

Founder and Editor: Academic Publishing House *Researcher* Order № 123.

EUROPEAN RESEARCHER. Series A

2019

Is. 2

Издается с 2010 г.
 E-ISSN 2224-0136.
 2019, 10(2). Выходит 4 раза в год.

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Магсумов Тимур – кандидат исторических наук, Набережночелнинский государственный педагогический университет, Набережные Челны, Российская Федерация (Главный редактор)

Макаров Анатолий – доктор экономических наук, Казанский (Приволжский) федеральный университет, Набережночелнинский институт, Набережные Челны, Российская Федерация (Заместитель главного редактора)

Бажанов Евгений – доктор исторических наук, Дипломатическая академия Министерства иностранных дел России, Москва, Российская Федерация

Бекман Йохан – доктор права, Университет г. Хельсинки, Хельсинки, Финляндия

Бирюков Павел – доктор юридических наук, Воронежский государственный университет, Воронеж, Российская Федерация

Госвами Шрибас – доктор психологии, Серампур колледж, Западная Бенгалия, Индия

Догонадзе Шота – доктор исторических наук, Грузинский технический университет, Тбилиси, Грузия

Кринко Евгений – доктор исторических наук, Южный научный центр РАН, Ростов-на-Дону, Российская Федерация

Малинаускас Ромуальдас – доктор педагогических наук, Литовская академия физической культуры, Каунас, Литва

Марвик Роджер – доктор истории, Школа гуманитарных и общественных наук, Университет Ньюкасла, Австралия

Мд Азри Отхуман Мудин – кандидат экономических наук, Университет Малайзии, Пенанг, Малайзия

Мюллер Мартин – кандидат экономических наук, Университет Санкт Галлен, г. Санкт Галлен, Швейцария

Ожован Михаил – доктор физико-математических наук, Имперский колледж Лондона, г. Лондон, Великобритания

Рансбергер Мария – кандидат экономических наук, Байротский университет, Байрот, Германия

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере массовых коммуникаций, связи и охраны культурного наследия (Российская Федерация). Свидетельство о регистрации средства массовой информации Эл № ФС77-62396 от 14.07.2015 г.

Журнал индексируется в: **Academic Index** (США), **CCG-IBT BIBLIOTECA** (Мексика), **DOAJ** (Швеция), **GalterSearch Beta** (США), **EBSCOhost Electronic Journals Service** (США), **Electronic Journals Index** (США), **ExLibris The bridge to knowledge** (США), **Google scholar** (США), **Index Copernicus** (Польша), **math-jobs.com** (Швейцария), **Научная электронная библиотека** (Россия), **ОАИ** (США), **ResearchBib** (Япония), **ResearchGate** (США), **The Medical Library of the Chinese People's Liberation Army** (Китай) и др.

Статьи, поступившие в редакцию, рецензируются. За достоверность сведений, изложенных в статьях, ответственность несут авторы публикаций.

Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов материалов.

Адрес редакции: 354000 Россия, г. Сочи, Дата выпуска 25.06.19.

ул. Горького, 89, оф. 23

Формат 21 × 29,7/4.

Сайт журнала: <http://erjournal.ru/>

E-mail: evr2010@rambler.ru

Гарнитура Georgia.

Учредитель и издатель: ООО «Научный издательский дом "Исследователь"» - Academic Publishing House *Researcher*

Заказ № 123.

C O N T E N T S

Articles and Statements

Development of Religious Tourism in West Herzegovina Tourist-Geographic Region A. Bidžan-Gekić, H. Gekić, L. Žunić	78
The Right to Freely Conduct Business in the Legal System of Vietnam Nowadays H. Duong Dang, L. Nguyen Thanh, N. Ha Thi, T. Nguyen Xuan	86
On the State of Studying the Georgian Written Culture before and in the Digital Era K. Gigashvili, T. Tvalavadze, G. Kalandadze, E. Mania	94
Hermeneutical analysis of the film «Picnic at Hanging Rock» O. Gorbatkova	101
Hermeneutic Analysis of German-Language Audiovisual Texts on School Theme (1945–2018) A. Levitskaya, L. Seliverstova	110
About Alternative Ways of Attracting Investment M.D. Shapsugova	125

Copyright © 2019 by Academic Publishing House *Researcher*

Published in the Russian Federation
European Researcher. Series A
Has been issued since 2010.
E-ISSN 2224-0136
2019, 10(2): 78-85

DOI: 10.13187/er.2019.2.78
www.erjournal.ru

Articles and Statements

Development of Religious Tourism in West Herzegovina Tourist-Geographic Region

Aida Bidžan-Gekić^{a, *}, Haris Gekić^a, Lejla Žunić^a

^a University of Sarajevo, Bosnia and Herzegovina

Abstract

Bosnia and Herzegovina is a place of meeting of different peoples and religions, which has contributed, according to the religious and cultural heritage, to be one of the richest countries in Europe. Four large religious communities in Bosnia and Herzegovina have significant shrines that are visited by tourists from all over the world, although neither the entities nor the states have a strategy for promoting religious tourism. In this paper we will present the representation of religious objects and manifestations of West Herzegovina tourism-geographic region, their tourist valorization and proposal in order to improve this specific form of tourism.

Keywords: West Herzegovina; tourist-geographical area; tourist valorization; religious tourism; tourism development.

1. Introduction

"The concept of religion or faith implies conviction, trust and reliance" (Kesar, 2013). Historical development of tourism shows that religious travels are one of the oldest forms of tourism that arose from the increase of knowledge about the world, which was caused by the fact that people moved to different places where they could learn and inherit the aspects of other cultures, and they themselves find something about reality, spirituality, self-esteem and self-realization (Geić, 2002).

Religious tourism is one of the fastest growing segments of the travel industry. The UNWTO estimates that 300 million tourists visit the world's major religious sites each year (one fourth of all international tourist arrivals) and that 600 million national and international religious voyages are undertaken annually (UNWTO).

„Religious tourism is a key agent of peace. It is a transformative force that breaks down cultural barriers and builds bridges between people, communities and nations. Leveraging the growing interest in religious tourism is crucial in building cultural dialogue, mutual understanding and peace“ (Taleb Rifai, Secretary-General, UNWTO).

Belk and Yeh (2011: 345) refer to Belk and Costa (1995) and Urry (1990) to state that historically at the highest strata of society people have been travelling for explicitly religious reasons but at the same time indulging in “pleasure seeking and cultural” activities.

* Corresponding author

E-mail addresses: aidabidzan@gmail.com (A. Bidžan-Gekić), hgekić@gmail.com (H. Gekić), pmflejlazunic@yahoo.com (L. Žunić)

Religion has always been a powerful force that has attracted many tourists to destinations around the world and tourists believe that religious destinations are too adapting to global tourism and thus religious sites lose their primary importance. The importance of tourism in West Herzegovina tourist-geographical region has been noticed for years, however religious tourism has not used its full potential in this region. There are numerous religious attractions and cultural, historical and natural sites in them that attract numerous religious tourists. The problem of religious tourism in these region is the lack of sufficient accommodation capacities, the discordance of religious tourism with cultural tourism, and the lack of a detailed strategy for the development of religious tourism. The reason for the absence of a strategy of religious tourism in these regions is the lack of importance to religious tourism as it should be given, which would certainly enable the development of different branches of economy, and thus improve the living conditions at both the local and regional levels.

2. Materials and methods

The aim of this paper is to give an overview of all tourist potentials West Herzegovina tourist and geographic region and the possibility of their valorization which would contribute to the development of religious tourism, as well as the overall economic development of the same. The resource basis for modern religious tourism in West Herzegovina tourist-geographic region must be methodologically processed on the basis of geographical, economic and socio-cultural research, in order to be able to make a complete tourist offer in where the focus would be on the development of religious tourism. In this paper, the following general and special methods of regional geographic research will be used: the method of regional geographic analysis and the synthesis of tourist-geographic factors, the method of homogeneity in the spatial distribution of tourist-geographic parameters in order to identify the tourist-geographical potential of all three tourist-geographical regions, then the method of determining spatial-functional connections and relations primarily driven by tourism activity in order to develop the ones in the best possible way and be less harmful to the environment.

In the process of evaluating anthropogenic tourism potentials related to the development of religious tourism, different tourist-geographical methods and valorization factors will be applied, with a very complex classification procedure (identification and analysis of attractive properties, spatial coverage, distribution, etc.) and categorization/ranking of tourist potentials (according to importance, seasonality, complementarity, etc.), whereupon the general tourist value of each selected tourist potential will be given. These anthropogenic tourist potentials are then divided into two groups: real and potential tourist potentials, and due to a large number, only the real ones will be shown in this paper. In the evaluation itself, special attention was paid to their complementarity, the convenience of their tourist-geographic location in relation to emitting markets, tourist routes and competitive reception areas, then existing and potential roads, which enable accessibility from emitting areas, etc.

This detailed and complex analysis, classification and categorization of anthropogenic tourism potentials were made possible through the use of professional and scientific literature, which consisted of spatial plans at the state, entity, cantonal and municipal levels, then development plans and strategies (economic and tourism) of the cantons and municipalities, official websites of municipalities and tourist communities, as well as their own field research.

3. Results and discussion

Western-Herzegovinian tourist-geographic region, as its name suggests, is located in the western part of Herzegovina. Its tourist-geographical position is very favorable because it is located only 30 km from the Adriatic coast, also located on the border between Bosnia and Herzegovina and the Republic of Croatia, which also increases the importance of its position. It consists of the following municipalities: Čitluk, Ljubuški, Grude, Široki Brijeg and Posušje with an area of 1,544 km². The tourist center of this region is the Čitluk municipality (Bidžan, 2015).

Fig. 1. Čitluk ([Local Internet portal Brotnjo](#))

According to preliminary data from the 2013 census, there are 97,893 inhabitants, and the population density is 63.4 residents/km² ([Institute for Statistics..., 2013](#)).

The western-Herzegovinian tourist-geographic region is connected via the main road M-15 to the southwest Bosnian area, and the main road M-6.1 connects it to the Mostar region, while the main road M-6 connects it to the Coastal region ([Bidžan, 2015](#)).

As far as tourist traffic is concerned, the tourist-geographic region of West-Herzegovina in 2017 had a number of tourist arrivals of 9,449, of which 33.2 % were domestic tourists and 66.8 % foreign tourists. They made 17,689 overnights, of which domestic tourists participated with 29.9 %, and foreign tourists with 70.1 %. Most tourists come from Croatia, France, Slovenia, Germany, Serbia and Montenegro. As far as accommodation capacity is concerned, this region offers 1,219 beds in various types and categories of accommodation (hotels, motels, small boarding houses, house accommodation and more), which is very low and one must make an effort to increase it, if this tourist-geographic region wants to be more serious about tourism ([Institute for Statistics..., 2018](#)).

The western-Herzegovinian tourist-geographic region belongs to, for its functionality, a group of cognitive, educational and religious tourism-geographic regions. It has a very modest significance for defining the tourist offer of Bosnia and Herzegovina, out of a total of 626 national monuments in Bosnia and Herzegovina, in its territory there are 19 national monuments ([Commission for Preservation..., 2000](#); [Bidžan, 2015](#)). But due to the natural resources and religious facilities in it, the following specific forms of tourism can be developed: religious, cultural-manifestational, mountainous, ecotourism, rural, fishing, caving or speleology tourism, sport-recreational etc. In Table 1 we will show tourism valuation of the highest rated, and at the same time, the most important sacral objects and religious-cultural manifestations of this tourist-geographic region, while the complete list can be viewed in doctorate of A. Bidžan (2015), where all objects were processed.

Table 1. Tourism Valorization of Sacral Objects and Religious Events in the West-Herzegovina Tourism-Geographical Region

Anthropogenic tourist potentials	Tourist-geographical position	Ambience	Attractiveness	Compatibility	Uniqueness	The level of utilization for tourist purposes	Access to anthropogenic tourist motives	Two-season possibility of exploitation	Construction /equipment	The representativeness	Aesthetic / artistic value	Tourist attendance	General tourist value
1. Church of the Immaculate Conception of the Blessed Virgin Mary, Posušje	3	3,5	3,5	3,5	3,5	3	5	5	3	3	3,5	3	3,5
2. The Assumption of the Blessed Virgin Mary Church, Posušje	4,5	3,5	3,5	3,5	3,5	3	5	5	3	3	3,5	3	3,7
3. Church of St. Ivan Nepomuk, Posušje	4	3,5	3,5	3,5	3,5	3	5	5	3	3	3,5	3	3,6
4. Crkva sv. Mihovila, Grude	3	3,5	3,5	3,5	3,5	3	5	5	3	3	3,5	3	3,5
5. Franciscan monastery with the church, Široki Brijeg	5	4	4	4	4	3	5	5	4	4	4	3	4,1
6. Parish church of St. Paskval, Ljubuški	4	3,5	3,5	3,5	3,5	3	5	5	3	3	3,5	3	3,6
7. The Nesuh Age Vučjaković mosque, Ljubuški	4	3,5	3,5	3,5	3,5	3	5	5	3	3	3,5	3	3,6
8. Church of St. Jakov, Čitluk	4	3,5	3,5	3,5	3,5	3	5	5	3	3	3,5	3	3,6
9. The sanctuary of the Queen of Peace, Međugorje	5	4,5	4,5	4,5	4,5	5	5	5	4	4,5	4,5	5	4,7
10. "Peace March and prayer for peace in the world", Grude-Ljubuški-Međugorje	5	4,5	4,5	4,5	4,5	5	5	3	4,5	4,5	4,5	5	4,5

Source: Commission for Preservation..., 2000; Bidžan, 2015

Key:

▪ 0 to 1,5 (inadequate quality and low market attractiveness) – are not suitable for tourist presentation and use;

- **1.6 to 2.5** (satisfactory quality and medium market attractiveness) – local tourist significance (L);
- **2.6 to 3.5** (good quality and good market attractiveness) – regional tourism significance (R);
- **3.6 to 4.5** (very good quality and very good market attractiveness) – national tourist significance (N) and
- **4.6 to 5** (excellent quality and high market attractiveness) – international tourist significance (M).

Below we will give a short description of religious objects and events, which have the highest total value in tourist valorisation: Franciscan monastery with the church in Široki Brijeg and the Sanctuary of the Queen of Peace in Međugorje, as well as the religious event "Peace march and prayer for peace in world", which are held through the cities of Grude, Ljubuški and Međugorje.

➤ **The Franciscan monastery with the church in Široki Brijeg** is respected as a sacred place, Our Lady's sanctuary, the main Marian shrine in Herzegovina. In recent years, related to Međugorje, it represents an important pilgrimage place for Catholics from all over the world who gather here for the religious holidays of the Great and the Little Lady. Since 1975, the last Saturday in July has become the Catholic pilgrimage to Our Lady in Brijeg (Lubina, 2005).

The construction of the church in Široki Brijeg is the time of the fall of the Ottoman Empire. In 1844, the Franciscans of Herzegovinian origin moved from Kreševo to Herzegovina and settled in Čerigaj. Since they did not find a suitable space for the construction of the church and monastery, they moved to Široki Brijeg where they would build them. This area was without a fertile land and without a forest, but it was on the hill and its position suited for the construction of the monastery and the church. The land was purchased from Ahmed-aga Kurt for 145 gold ducats. The first head of the Široki Brijeg fraternity was the guardian without a monastery, Fr. Angelo Kraljević. No church or monastery has ever existed in Široki Brijeg. Ali Pasha wrote to the Sublime Porte in Tsargrad at the request of the Franciscans to issue a ferman (approval) for the construction of the church and monastery. The building was approved by Sultan Abdul-Medžid by a ferman from 1845. The dimensions of the church were exactly determined by the ferman. The church was of smaller dimensions. In 1870 started the construction of a bell tower which was finished in 1871. The church was connected to a monastery, to which strict measures were not strictly imposed. The first part of the monastery consisting of several rooms was built in 1848 on the west wing. There was a school for Franciscan students where four lower grades of grammar school were taught. The old church was demolished in 1905, and in its place, Bishop fra Paškal Buconjić laid the foundations of a new church devoted to Blessed Virgin Mary. The church was built from the Herzegovinian gray limestone, stone that was excavated from the quarry near the monastery (Group of authors, 1984).

The Spatial Plan of Bosnia and Herzegovina (1980) evaluated and categorized the Franciscan monastery with the church in Široki Brijeg as a monument of the I (first) category of national importance (Spatial Plan of Bosnia and Herzegovina, 1980). The Commission for the Preservation of National Monuments placed this complex on the List of National Monuments of Bosnia and Herzegovina (Commission for Preservation..., 2007).

In tourist valuation, the highest rating (5 – excellent quality and high market attractiveness) of the Franciscan monastery with the church in Široki Brijeg was obtained from criteria: tourist-geographic position, access to antopogenic tourist motives and two-season exploitation opportunities, and the lowest grade (3 – good quality and good market attractiveness) from the equipment / construction criterion. The overall tourist value of this complex is high and amounts to 4.1, which means that it has a national tourist significance (Table 1) (Bidžan, 2015).

➤ **The Queen of Peace sanctuary in Međugorje** is nowadays one of the most famous and most visited pilgrimage places in the whole of the Catholic world. In the village of Bijakovići in the Međugorje area, the Lady is shown daily since June 24, 1981 according to the testimony of six children. Following the interest of pilgrims from all over the world for coming to Međugorje, great tourist facilities were built. Today, Međugorje has about 10,000 beds in various accommodation categories with exceptionally high standards of hospitality, commerce and other services. Since then, thousands of pilgrims from all over the world have come to Međugorje every

day and so far, according to general estimates, more than 15 million pilgrims have visited it, far more from abroad than from the country. According to the claims of tourist representatives and news correspondents around the world, Međugorje has become the most famous and most prominent place in this part of Europe. With the apparition of the Queen of Peace, Međugorje has developed touristically and has become an inevitable destination with rich religious and prayerful content for millions of pilgrims from around the world. Throughout the year many seminars and festivals are held in Međugorje, and among them, it is important to emphasize the Festival of Youth that has been held for 20 years. The Festival of Youth is held every year in the first days of August and during this time, this place is a world center of youth from which messages of peace, love and faith are sent to the world. The most significant events throughout the year are: Anniversary of the Apparition, Youth Festival, Peace March and Prayer for Peace in the World, the Assumption of Mary celebration, Mass at Križevac, Easter, Christmas and New Year celebration ([Tourist Board Herzegovinian-Neretva Canton; Bidžan, 2015](#)).

In tourist valuation, the highest rating (5 - excellent quality and high market attractiveness) of the Queen of Peace sanctuary in Međugorje came from the criterion: tourist-geographic position, degree of utilization for tourist purposes, two-season possibilities of exploitation and tourist attendance, and the lowest rating (4 - very good quality and very good market attractiveness) from the criterion of the degree of utilization for tourist purposes and tourist attendance. The overall tourist value of this complex is high and amounts to 4.7, which means that it has an international tourist significance ([Table 1](#)) ([Bidžan, 2015](#)).

▪ Religious event „Peace March and Prayer for Peace in the World“ are held every year in the last week of June, on Saturdays and Sundays. On Saturday at 6 am in front of the monastery of St. Anto on Humac begins the International Peace March. Arrival in front of the parish church of St. Jakov at Međugorje is scheduled for at 10 o'clock. A large number of parishioners and pilgrims attend each year in this prayer of peace. Holy Mass is held in the parish church that day at 7, 8, 11a.m, and 1 and 7 p.m. At 10 p.m. begins adoration to Jesus in the Blessed Shrine Sacrament. The joint adoration lasts for up to 11 p.m, and continues in silence to 5 a.m. Priests from Bosnia and Herzegovina and other countries perform confessions during both days in the courtyard of the confessional church in all world languages ([Local Internet portal Ljubuski](#)).

Fig. 2. „Peace March and Prayer for Peace in the World“ ([Regional portal Megamedia](#))

In the tourist valuation this event received the highest rating (5 – excellent quality and high market attractiveness) from the criterion: tourist-geographic position, degree of utilization for tourist purposes, access to anthropogenic tourist motives and tourist attendance, and the lowest rating (3 – good quality and good market attractiveness) from the criterion of two-season

exploitation opportunities. The overall tourist value of this complex is high and amounts to 4.5, which means that it has a national tourist significance (Table 1) (Bidžan, 2015).

3. Conclusion

Although there are religious sites and objects with a long tradition, spirituality and interesting architecture of all three constituent peoples and national minorities in the areas of all three tourist-geographical regions, which can be very attractive for the development of religious tourism, there is more to be done in promoting it. In all three regions there is an exceptional potential for the development of religious tourism, but it is not adequately tourism-valued. It is a major problem that sacral objects and religious events are not sufficiently presented at the world level. The tourism of West Herzegovina tourist-geographic region has not been sufficiently represented so far and is poorly presented on foreign markets, suggesting that tourism is not approached in the right way because the arrival of foreign guests depends on tourist operators. It is also necessary to create web presentations in several languages, as well as brochures in foreign languages, then to establish effective co-operation between representatives of religious communities and the tourism industry, which would help promote these holy objects and sites. If we look at the world-famous religious tourism centers, which annually receive millions of tourists and which became a real commercial paradise for domestic entrepreneurs, then we can see how much religious tourism can be significant for the development of tourism, catering industry and the economy in general in that area.

Some of the guidelines for promoting religious tourism in this tourist-geographic region would be: increasing accommodation capacities, improving traffic infrastructure, improving cooperation and communication between the religious communities – the local community – the tourist community of West Herzegovina region, as well as revitalizing and putting into full function of religious and cultural events, furthermore building a system that would keep track of the arrivals of believers – tourists coming for religious tourism, and boosting marketing (especially internet marketing) that would promote religious tourism and connect with cultural tourism.

References

- Belk, Costa, 1995 – Belk, R., Costa, J.A. (1995). International tourism: an assessment and overview. *Journal of Macromarketing*. Vol. 15 No. 2, pp. 33-49.
- Belk, Yeh, 2011 – Belk, R., Yeh, J.H.-Y. (2011). Tourist photographs: signs of self. *International Journal of Culture, Tourism and Hospitality Research*. Vol. 5 No. 4. pp. 345-353.
- Bidžan, 2015 – Bidžan, A. (2015). Regionalni aspekt vrednovanja turističkih potencijala Bosne i Hercegovine. Doctoral dissertation defended at the Faculty of Science of the University of Sarajevo. Unpublished. Documentation Fund of the Faculty of Science in Sarajevo. Sarajevo. P. 97-100.
- Commission for Preservation..., 2000 – Commission for Preservation of National Monuments in Bosnia and Herzegovina, 2000. [Electronic resource]. URL: http://kons.gov.ba/nacionalni_spomenici/privremena_lista/default.aspx?id=8645&langTag=bs-BA
- Commission for Preservation..., 2007 – Commission for Preservation of National Monuments in Bosnia and Herzegovina, 2007. [Electronic resource]. URL: http://old.kons.gov.ba/main.php?id_struct=6&lang=1&action=view&id=2962
- Geić, 2002 – Geić, S. (2002). Turizam i kulturno-civilizacijsko naslijeđe. University of Split. Split. P. 45.
- Group of authors, 1984 – Group of authors (1984). Stari franjevački samostani Bosne i Hercegovine. Sarajevo. P. 356.
- Institute for Statistics..., 2013 – Institute for Statistics of the Federation of Bosnia and Herzegovina, 2013. [Electronic resource]. URL: http://fzs.ba/wp-content/uploads/2016/07/FZS_Prezentacija_Popis_2013.pdf
- Institute for Statistics..., 2018 – Institute for Statistics of the Federation of Bosnia and Herzegovina, 2018. [Electronic resource]. URL: <http://fzs.ba/wp-content/uploads/2018/07/Kanton-10.pdf>
- Internet portal Brotnjo – Internet portal Brotnjo. [Electronic resource]. URL: <http://www.brotnjo.info/2018/04/08/turisticko-pozicioniranje-brotnjo-prepoznatljivo-vinski-vjerski-turizam/>

- [Kesar, 2013](#) – Kesar, O. (2013). Vjerski turizam. Faculty of Economics University of Zagreb. [Electronic resource]. URL: [http://web.efzg.hr/dok/TUR/ Web_Vjerski%20 turizam.pdf](http://web.efzg.hr/dok/TUR/Web_Vjerski%20turizam.pdf)
- [Local Internet portal Ljubuski](#) – Local Internet portal Ljubuski. [Electronic resource]. URL: <https://ljubuski.net/21164-mednarodna-hodnja-mira-u-slavu-gospi>
- [Lubuna, 2005](#) – Lubina, P. (2005). Marian sanctuary in Širokom Brijegu. One hundred years of the new church in Široki Brijeg. Proceedings. The Franciscan Monastery Široki Brijeg. [Electronic resource]. URL: [http://www.pobijeni.info/ocumenti/samostan/Brig /Marijansko-svetiste.pdf](http://www.pobijeni.info/ocumenti/samostan/Brig/Marijansko-svetiste.pdf)
- [Regional portal Megamedia](#) – Regional portal Megamedia. [Electronic resource]. URL: <http://www.mega-media.hr/medugorski-fenomen/>
- [Spatial Plan of Bosnia and Herzegovina, 1980](#) – Spatial Plan of Bosnia and Herzegovina, (1980). Phase "B" - Valorization: Natural and Cultural-Historical Values. Institute for Architecture, Urban Planning and Spatial Planning of the Faculty of Architecture in Sarajevo. Sarajevo. P. 25.
- [Tourist Board Herzegovinian-Neretva Canton](#) – Tourist Board Herzegovinian-Neretva Canton. [Electronic resource]. URL: <http://www.hercegovina.ba/hrv/medjugorje.html>
- [UNWTO](#) – UNWTO. [Electronic resource]. URL: http://cf.cdn.unwto.org/sites/all/files/pdf/nrt_proposal_flyer-14july2016-lowres.pdf
- [Urry, 1990](#) – Urry, J. (1990). The Tourist Gaze: Leisure and Travel in Contemporary Societies. Sage. London.

Copyright © 2019 by Academic Publishing House *Researcher*

Published in the Russian Federation
European Researcher. Series A
Has been issued since 2010.
E-ISSN 2224-0136
2019, 10(2): 86-93

DOI: 10.13187/er.2019.2.86
www.erjournal.ru

The Right to Freely Conduct Business in the Legal System of Vietnam Nowadays

Hue Duong Dang ^{a, *}, Luan Nguyen Thanh ^a, Ngoc Ha Thi ^b, Tung Nguyen Xuan ^c

^a Hanoi Law University, Socialist Republic of Vietnam

^b Southwest State University, Russian Federation

^c Bac Ninh Province, Socialist Republic of Vietnam

Abstract

This study focuses on clarifying and bringing about a systematic view of the right to freely conduct business in the current legal system of Vietnam by analyzing the regulations on freedom of enterprise which have already been prescribed in The Constitution 2013, the specialized laws including Law on Enterprise 2014, Law on Investment 2014 and the Civil Code 2015. Especially, this study thoroughly goes into analyzing and clarifying the particularly important role of the provisions in the Civil Code 2015 with the recognition and assurance of the implementation of the right to freely conduct business in Vietnam nowadays.

Keywords: the right to freely conduct business, the Constitution, Law on enterprise, Law on investment, Civil code, Vietnam.

1. Introduction

Since the execution of “Doi Moi” (12/1986) which introduced reforms intended to facilitate the transition from a centrally planned economy into building and developing the “Socialist-oriented market economy”, the right to freely conduct business has finally been recognized as a certain requirement of the market economy and as a basic right of citizen in Vietnam. From that time until now, the law and code which constitute the legal system of Vietnam have been constantly revised and supplemented to further improve the right to freely conduct business, in order to meet the new requirements of the economy and promote the economic development of the country. With the introduction of the Constitution 2013, the Law on Enterprise 2014, the Law on Investment 2014 and the Civil Code 2015, the right to freely conduct business continues to be more and more improved with many new breakthrough regulations. All of these contents will be presented in detail in this study.

2. Document and study method

2.1. This research is executed on the currently provisions of Vietnamese law about the right to freely conduct business, and some of published researches as follows: “*The new points in Law on Enterprise 2014, which create advantageous condition for enterprise*” (Luan Nguyen Thanh, 2015); “*The amendments and supplements of the Law on real estate business 2014 about the*

* Corresponding author

E-mail addresses: duongdanghue1955@gmail.com (H. Duong Dang),
thanhluanbdbp@gmail.com (L.Thanh Nguyen), ngoccivillaw@gmail.com (N. Ha Thi),
mrtung310@gmail.com (T. Nguyen Xuan)

business of real estate service” (Tuyen Nguyen Quang, Luan Nguyen Thanh, 2016); The Legal Nature of Land Use Rights in Vietnam” (Luan Thanh Nguyen, Ngoc Thi Ha, 2018).

2.2. It's completed by simultaneously using different research techniques such as analysis, general, dialectical materialism, interpretation and comparison.

3. Discussion

First of all, it must be affirmed that: Freedom in business is a constitutional right of organizations and individuals in Vietnam, which is recognized in the Constitution 1992 and extended in the Constitution 2013.

Vietnam now has five Constitutions: 1946, 1959, 1980, 1992 and 2013. However, not every Constitution fully recognizes the basic rights of citizens, including the right to freely conduct business. This is explainable because the content of the constitution in general and the content of the basic rights of citizens in particular can not be determined in the Constitution arbitrarily. However, it must come from socio-economic circumstances of the country in each historical period. Only since 1986 when Vietnam started the construction of a socialist-oriented market economy, the principle of business freedom as a requirement of a market economy and the right to freely conduct business as a fundamental right of citizens have been recognized in the constitution (Article 57 of the Constitution 1992 and Article 33 of the Constitution 2013).

The right to freely conduct business is not only recognized in the Vietnamese Constitution but also in the Constitution of many countries around the world. Why has the right to freely conduct business always been recognized in such a solemn way by the Constitution of the countries? The answer is simple. Without this principle, the market economy can not be established and developed. Thanks to the recognition of the right to freely conduct business in the Constitution, every individual and legal person has motivation and strong legal basis to promote his dynamism and creativity, so that he can feel secure to invest the human resources and property into production and business activities, making more and more asset and material for society. The reality shows that one of the basic reasons for the failure of a centrally planned economy in Vietnam as well as in all socialist countries was that the State was not aware of the importance of the right to freely conduct business, therefore, it did not acknowledge the right in the Constitution and consequently resulted in the abolition of all creative capacities, the desire to enrich legally of people, failure in encouraging all organizations and individuals to invest in production and business, waste of financial resources and material resources in society.

In the process of building a socialist-oriented market economy in Vietnam, the right to freely conduct business was also recognized by the Constitution in a different way. This is not only shown in terms of form, but also in terms of content. Specifically, if Article 57 of the Constitution 1992 only states: "Citizens have the right to freely conduct business in accordance with the law", then the Constitution 2013 has shown this right in a different way, more tightly and fully: "Everyone has the right to freely conduct business in industries which are not prohibited by law" (Article 33). The advancement in content of the Constitution 2013 in recognizing the right to freely conduct business is expressed as firstly to expand the subject component of this right through the replacement of the term "citizen" in the term "everyone". "Everyone" means any person who, in legal science, the concept of "person" is understood in a much broader sense than the ordinary meaning. In the legal sense, "person" includes not only human in flesh and skin (also known as natural person, personal) but also the legal person (legal entity). "People" here also include not only Vietnamese citizens, but also foreign nationals and non-citizens, as long as they live, work, study legally in Vietnam. In addition, the new provision of Article 33 of the Constitution 2013 compared to Article 57 of the Constitution 1992 is that the new Constitution has more clearly and strictly defined the right to freely conduct business through making the limitation of this right under which people have the right to do all things that are not prohibited by law. Obviously, the Constitution as a basic law of Vietnam only provides such principled provision, and what is banned and many other specific issues related to ensuring the exercise of rights to freely conduct business freedom will be regulated under the Constitution (Law, Ordinance, Decree).

Next, it is necessary to affirm the role of the documents under the Constitution in ensuring the exercise of the right to freely conduct business

- The role of the Law on Enterprise 2014

As a status of basic law, the Constitution 2013 recognizes the right to freely conduct business in the most general way. In order to implement this right in practice, only a common principled article in the Constitution (Article 33 of the Constitution 2013) is clearly not enough. Therefore, the law in general and specialized laws in particular must be responsible for creating a clear, complete legal basis for organizations and individuals to easily, conveniently and effectively implement the right to freely conduct business. In short, both Vietnam's legal system has a very important role in implementing this constitutional right. For example, in order to exercise the right to freely conduct business, citizens and legal entities firstly must have the freedom to establish businesses, which means having the right to build (formulate) business production models that they stand for appropriate. Therefore, the previous Laws on Enterprise ([Law on Enterprise 1999](#); [Law on Enterprise 2005](#)) and the current Law on Enterprise (Law on Private Enterprise 1990, Law on Corporate 1990, Law on Enterprise 2014) were in turn issued to answer the question of how many types of businesses are allowed to establish in Vietnam and the ways as well as conditions to establish these types of businesses so that investors can choose freely ([Luan Nguyen Thanh, 2015: 34-38](#)). For example, the Law on Enterprise 2014 recognizes four types of businesses in Vietnam as private enterprises, limited liability companies, joint stock companies and partnerships.

The right to freely conduct business is not only reflected in the investor's right to choose a business model, but also in that whether they can have the right to trade in industries that they have not registered with the competent authorities or not. According to the Law on Enterprise 2005, enterprises do not have this right, because according to Article 9 of the Law, enterprises have business obligations in accordance with the business fields stated in the business registration certificate. It means that, according to the Law on Enterprise 2005, there are industries that are not prohibited by law but if they have not been registered with the State by the business, the business is not allowed to trade in those fields. In summary, according to the Law on Enterprise 2015, a prerequisite condition to be able to do business in an industry is that the industry must be registered at a competent state agency. This provision is clearly no longer consistent with the spirit of business freedom of the Constitution in 2013, so it was canceled and replaced by a new regulation by Law on Enterprise 2014, whereby enterprises were proactively in selecting field and were able to do business in that field provided that if those fields are business industries with conditions, those conditions have been fully met by the enterprise (Article 8) without depending on whether the industry has been registered with the State or not (Article 29). Many aspects of the right to freely conduct business have been introduced by the Law on Enterprise 2004, as a specialized law, which is more specific, clear, progressive than the Law on Enterprise 2005 to contribute in bringing the principle of business freedom recorded in the Constitution into our life.

- The role of Law on Investment 2014

In order to execute the right to freely conduct business in practice, one of the very important issues that the legal system needs to address is the need to clearly and fully identify the banned industries and business in Vietnam. This task, obviously, is not in the "responsibility" of the Constitution and is not in the "function" of the Law on Enterprise but under the "mission" of another law, which is the Law on Investment. In implementing its duties, the Law on Investment 2014 has clearly defined that there are currently six occupations which are banned from business in Vietnam today.

Especially, the Law on Investment 2014 also confirmed a principle of immutability, whereby specialized laws are not authorized to regulate the industries, fields that are prohibited from business, as this is considered an "exclusive work" of the Law on Investment.

In Vietnam, in addition to occupations that are prohibited from business, there are industries that are not banned and are allowed to do business but enterprises must fully meet certain conditions. This industry is called conditional business. Talking about conditional business means talking about when and under what conditions that the subject has the right to be able to implement (deploy) in practice the industries that he/she is allowed to do.

Hence, freedom in business does not mean the freedom to perform the work which is allowed to do without any conditions. The regulation of business conditions does not conflict with the right

to freely conduct business. It is an indispensable element for the subject to exercise their right to freely conduct business in practice. In fact, the number of prohibited business lines is very small while the conditional business is numerous. Currently, according to the list issued together with the Law on Investment 2014, there are 267 occupations in conditional business in Vietnam. Therefore, with the promulgation of the list of conditional business lines, the Law on Investment 2014 has made an important contribution to the implementation of the right to freely conduct business in Vietnam.

- The role of Civil Code 2015

In the Vietnamese legal system, the Civil Code plays a particularly important role in ensuring the implementation of the right to freely conduct business, which is recorded in the Constitution 2013. This role is reflected in these following key points:

Firstly, the Civil Code 2015 strengthens the economic foundation (material foundation) for production and business activities of enterprises, namely:

(i) The Civil Code 2015 finalizes the ownership regime, and also recognizes other rights for the assets of enterprise.

Like any other subjects of civil law relations, if enterprises want to operate, they must have independent assets. The property independence of the business must be expressed through certain legal forms, first of all is the ownership right and other rights on the property that countries call “other types of rights in rem (rights to things)”. The Civil Code 2015 pays a great deal of attention to the recognition of ownership, while it is not “impassioned” in recognizing other types of rights in rem. This has undoubtedly undermined the independence of enterprises' assets, which has had a significant impact on the implementation of production, business activities and the enterprise's right to freely conduct business. Overcoming this situation, the Civil Code 2015 devoted a chapter of Chapter XIV to regulate other types of rights in rem aparting from ownership, which are the right to adjoining immovable property (Section 1, Chapter XIV), usufruct rights (Section 2, Chapter XIV) and surface rights (Section 3, Chapter XIV). Having these rights, independence – a leading requirement of enterprises' right to freely conduct business has been fundamentally improved (Luan Thanh Nguyen, Ngoc Thi Ha, 2018: 41-49).

(ii) The Civil Code 2015 recognizes equality between property owners.

In order to have freedom in business, one of the indispensable conditions is that businesses as property owners must be treated equally by the State. The Constitution 2013 has only recognized the equality between businesses with the status as business entities of all economic sectors. This means that enterprises in the private or state economic sector, when participating in market relations, are treated equally by the State prior to the law. This provision of the Constitution 2013 is necessary but not enough to ensure the equality of businesses in economic exchanges because there will be no real equality if in terms of assets, businesses cannot have the same protection from the State. Overcoming this situation, the Civil Code 2015 recognized the equal rights of all owners through the provisions of Clause 1, Article 3, whereby all individuals and legal entities are “protected equally about moral rights and property”.

(iii) The Civil Code 2015 recognizes the unlimited number and value of assets owned by organizations and individuals.

There will be no freedom in business if business entities, including enterprise, are restricted by law in terms of the quantity and value of the property they wish to acquire in the property owned by themselves. In summary, there is freedom to decide the size of transactions in the marketplace in the freedom of business. If this is restricted by law, it is considered that there is no freedom in business. Therefore, the Civil Code 2015 continues to provide regulations whereby individuals and organizations have the right to own property with no restrictions on quantity and value, is considered as an important legal guarantee for implementing freedom in business in Vietnam (paragraph 2, Article 205).

Secondly, the Civil Code 2015 strengthens the legal basis for implementing the freedom of contract.

Freedom of contract is one of the basic components in the content of freedom in business everywhere, including Vietnam. Therefore, it can be affirmed that without contractual freedom,

there is basically no freedom in business. Being aware of this relationship, Vietnamese legislators have paid special attention to the process of building the third part of the Civil Code (Obligations and contracts). These following are the new regulations that are of great significance in ensuring the implementation of contractual freedom in Vietnam.

Firstly, the Civil Code 2015 recognizes the principle that, under which contract with whom and with what content (freedom of agreement) is the right of the business; no one, including a state agency, may intervene, except for special cases prescribed by law (paragraph 2, Article 2; clause 2, Article 3).

Secondly, the Civil Code 2015 recognizes the full, clear and unified conditions for unilateral termination of the contract, especially the addition of conditions: "the other party seriously violated contractual obligations". Currently, according to the Civil Code 2015, unilateral termination of contracts can be done relatively easy. Obviously, there will be no freedom in business if legally established contractual relations can be arbitrarily canceled by an unilateral party, the Vietnamese legislator has set out rules to limit to the lowest level of this situation. In particular, paragraph 1, Article 423 has provided regulation, whereby one party may unilaterally terminate the contract if the other party seriously violates the contractual obligations. In this law, it also defines what is a serious violation of contractual obligations to avoid understanding and applying it arbitrarily and subjectively in practice.

Thirdly, the Civil Code 2015 sets out the principle of priority to apply specialized laws, thereby demonstrating the State's more respectful attitude towards the freedom of agreement among parties in contracting and implementing contracts in some specific business areas.

The Civil Code 2015 has many regulations that promote the freedom of agreement of the parties in the contract. However, there is no specific and adequate regulation on the relationship between the Civil Code and the specialized laws such as the Law on Credit Institutions, the Law on Insurance Business, the Law on Real Estate Business,...Hence, when entering into contracts in these areas, the subject's freedom of agreement is no longer guaranteed at the necessary level according to the requirements of practice (Tuyen Nguyen Quang, Luan Nguyen Thanh, 2016: 86-93). For example, Paragraph 1, Article 476 of the Civil Code 2015 states, "the rate of interest for a loan shall be as agreed by the parties but may not exceed one hundred and fifty (150) per cent of the basic interest rate announced by the State Bank for the corresponding types of loans". This regulation has led to two very different interpretations, related to the freedom of agreement on lending interest rates in the banking sector. *The first perspective* (mainly Judges) said that the lending interest rate in all credit contracts is under the control of the Civil Code, which means that the parties have the right to freely agree but must not exceed 150% of the basic interest rate announced by the State Bank corresponds to each kind of loan. *The second perspective* (mainly from the State Bank and commercial banks) said that the provisions on this ceiling of lending interest rate are only applicable to the signing of ordinary civil contracts but do not apply to Bank credit contracts. Also from this point of view, banking business is a specific business, so to ensure the freedom of business of commercial banks, the parties have the right to agree on the lending interest rate without being limited by the interest rate set by the Civil Code in 2005. In fact, many bank credit contracts have been declared invalid to by the lending interest rate by the court as it has exceeded the ceiling interest rates regulated by the Civil Code. Overcoming this situation, on the basis of taking into account the characteristics of some business sectors in general and banking business in particular, Vietnam's legislators for the first time clearly recognized the relationship between the Civil Code 2015 (as a general law) with specific laws (as a specialized law), accordingly, when there is a difference between the Civil Code and the specialized law on some points, the priority is to apply specialized law (clause 1, Article 4). This thought has also been confirmed once more time in Article 468 of the Civil Code 2015, whereby: "Interest rates are agreed by the parties. In case the parties have an agreement on interest rates, the agreed interest rate must not exceed 20 % year of the loan, unless otherwise prescribed by law".

Therefore, by allowing the parties more freedom in solving problems arising in specialized business areas, the Civil Code 2015 has greatly contributed to creating more mechanisms in implementing the right to freely conduct business of enterprises in Vietnam in the up-coming time.

Fourthly, the Civil Code 2015 had new regulations to limit the cases of invalidated contracts due to violations of the form. The Civil Code 2005 sets out many cases where the contract is invalidated, in which there is a case of invalidation due to violation of the form. For example, a

legal contract must be notarized but if this request has not been followed, a party may ask the court to invalidate it, even if in fact, this contract has already been done by the parties. This provision is clearly rigid which does not guarantee the stability of market relations, causing many difficulties in practice, especially encouraging the protection of those people who lack goodwill and dishonesty in civil exchange. Overcoming this situation, the Civil Code 2015 has introduced many regulations, whereby, in certain cases, under certain conditions, despite the fact that the contract is breach of form but it may still be declared not invalid by a court (Article 129).

Fifthly, the Civil Code 2015 has many regulations that make it easier and more convenient for owners of civil law relations in general and businesses in particular when entering into and performing contracts. For example, under the provisions of Clause 2, Article 137, a legal person may have more than one legal representative. Therefore, this provision has ended the situation that a legal entity can only have one legal representative, overcame many difficulties for large enterprises which have a multi-sectoral, multi-business scale and operate in many different territories in signing contracts. According to the Civil Code 2005, an authorized person is understood to be an individual and cannot be a legal entity. This provision has restricted the right of enterprises to authorize other legal entities in performing jobs that they cannot directly perform, which reduces the possibility of contracting in dynamic business conditions of businesses nowadays. In order to get over this situation, the Civil Code 2015 has added a very new important regulation which can be able to make it easier for enterprises in entering into contracts, that is the provision specified in Clause 1, Article 138, by which the legal person may be an authorized representative.

Thirdly, the Civil Code 2015 strengthens the mechanism of civil rights protection.

One of the new points with landmark in the Constitution 2013 is the promotion of human rights and civil rights. The Constitution recognizes fundamental rights and identifies the key mechanisms to ensure the exercise of these rights, while other laws, including the Civil Code, must find and recognize specific mechanism to contribute to protect basic rights of citizens and legal entities, including enterprises. Here are some new regulations with a view to creating a better legal basis for the protection of civil rights of the organizations and individuals, including businesses:

Firstly, State agencies, including the Court, are not allowed to refuse resolving civil cases on the grounds that there is no law to apply.

There is an intimate relationship between the right to freely conduct business and the mechanism of protection of freedom in business. If the law allows businesses to have freedom in business but does not provide adequate mechanisms and solutions to ensure that the rights of business arising from economic activities are always in the protection of the State, businesses will not feel safe in executing their investment, production and business activities with their wish, and consequently, the right to freely conduct business will not be implemented thoroughly in reality. For example, currently, according to the Law on Enterprises 2014, enterprises have the right to freely decide on business lines, even if the lines are not regulated by the State in the system of Vietnamese economic industries. Such regulations are intended to encourage businesses to always explore, create, and do business in whatever thing they may think of without limiting their business in existing industries. However, this provision of the Law on Enterprise 2014 will certainly not be enthusiastically responded by businesses, because businesses cannot avoid the psychology of concern that, when doing business in these industries and disputation arises, whether the State will accepts to resolve them and protect businesses' legitimate rights or not? In order to meet this requirement, the Civil Code 2015 issued a regulation whereby the competent state agencies, including the Court, are not allowed to refuse to resolve civil cases with reasons for not having the law to apply (clause 2, Article 4). Hence, the Civil Code 2015 has contributed to encourage businesses to expand production and business, which has contributed to ensuring the implementation of the right to freely conduct business through the commitment of the State that, in any cases, even if there is no law to regulate, if the business has conducted production and business activities legally and benefitted themselves and society, then their rights and advantage will also be protected by the State by all means.

Secondly, the Civil Code 2015 recognized a new mechanism in protecting civil rights, whereby, in many cases, administrative decisions can be reviewed under judicial procedures in court.

Currently, in Vietnam, many civil issues are being handed over to the state agencies to resolve. This is inevitable due to the characteristics of the organizational structure and management mechanism of our State. However, this mechanism in addition to the positive side also contains many limitations. If this mechanism continues to exist without innovation, it will certainly hinder production and business activities of enterprises, because the mechanism of resolving dispute by administrative route does not guarantee the demand for the process of resolving civil disputes such as a rule of openness, transparency, independence of the dispute resolution process. Only the Court, with specific provisions in judicial proceedings, can better protect the legitimate rights of the business. Therefore, the Civil Code 2015 makes regulations, by which administrative decisions can be reviewed at judicial agencies is considered as a new regulation, which contributes to better protection of legal rights of enterprises, thereby creating conditions for enterprises to exercise their freedom in business (Clause 1, Article 14).

Thirdly, the Civil Code 2015 protects fairness, fights for injustice in civil transactions, thereby contributing to promote the implementation of freedom in business of enterprises. According to the Civil Code 2015, the parties are obliged to comply with the rights and obligations arising from the contract. This is a reasonable and necessary regulation to ensure order in economic exchanges, and simultaneously protect legitimate rights and interests of related parties thoroughly. However, recent reality has shown that if in all cases the law requires the parties to strictly abide by the rights and obligations arising from the contract, it will create an injustice in the mutual benefit between parties. For example, in the process of contract performance, if new circumstances appear that the parties may not anticipate when sign the contract and if the contract continues to be implemented, one party will be seriously damaged. Stemming from the principle of goodwill, cooperation in contracting and implementing contracts (clause 3, Article 3), in order to ensure the harmonization of interests between the parties, overcome the situation in which one party is damaged, while the other party has benefited in an unjustified way, the Civil Code 2015 has introduced a new provision in Article 420, whereby, in the above case, the affected party has the right to request the other party to change or cancel the contract. When the request is rejected, it is able to ask the Court to base on the specific circumstances of the case to declare the cancellation or amendment of the contract. This provision is completely reasonable, consistent with the production and business in practice of enterprises in the market economy with many changes that are not foreseen and it is also consistent with the laws and commercial custom of many countries around the world. Another example, in the former Federal Republic of Russia, during the 70-year existence of a centrally planned economy, there was such none of this provision in the Civil Code. However, after building a new economy, a social-oriented market economy, the Civil Code 1993 supplemented the provisions of Article 451: "Amending and canceling contracts due to changing circumstances in basic way. By studying the content of this article, this rule basically has the same contents as Article 420 of Vietnam's 2015 Civil Code.

4. Research result

In the context of globalization and opening market, the right to freely conduct business is increasingly focused and ensured by the Vietnamese legal system, from a constitutional right recognized in the Constitution to those specific provisions in specialized laws, especially the Civil Code 2015, the Law on Enterprise 2014, the 2014 Investment Law. First of all, freedom in business as a constitutional right guarantees basic rights of human and civil rights, allows natural persons and legal entities to participate in economic exchanges proactively with occupations that are not prohibited by law, promotes the spirit of ownership and rightly enrichment, creates a driving force for economic development and social stability. The Law on Enterprises and the Law on Investment play an important role in establishing a legal basis for different types of businesses that natural persons and citizens can establish and trade in industries that are not prohibited by law, regulating conditional business sectors and creating a clear mechanism to allow businesses to expand business lines. In particular, the progressive regulations in the Civil Code 2015 have ensured maximum freedom of business. Freedom in business as a civil rights is appropriately and progressively regulated in the Civil Code 2015, which have not only motivated businesses to participate more deeply in civil exchanges but also establishing a mechanism to protect this civil rights to be carried out fairly and strictly, in accordance with the continuous development of civil exchanges in particular and the economy in general.

5. Conclusion

Currently, Vietnam has only about half a million enterprises, it means that on an average of nearly 200 people, there is a business, while in developed countries, from about 15 to 20 people, there is a business (Nhat Nam, 2016). With the strategy of "Start-up country" which has been constantly innovating in recent years, our State has had policies to support and promote start-up businesses, especially to mention the efforts to improve the system of legal basic, especially regulations on ensuring freedom in business. Freedom in business must be considered as a prerequisite for enterprises to actively choose appropriate forms of organization and freely conduct business in industries that are not prohibited by law, which is the key to get successful "start-up country" and sustainable development. Ensuring the right to freely conduct business by legal mechanism taking into account the arising factors, changes in the new situation are the requirements and challenges posed to the Vietnamese legal system. At a certain level, somehow, it can be said that the current Vietnamese law provisions basically ensure and create conditions for citizens' right to freely conduct business to be maximized and implemented effectively.

References

[Law on Enterprise, 2014](#) – Law No. 68/2014/QH13 of November 26, 2014 of National Assembly of Vietnam posted on the website of Vietnam Law in English. [Electronic resource]. URL: <http://vietnamlawenglish.blogspot.com/2015/05/vietnam-enterprise-law-2014.html>

[Law on Investment, 2014](#) – Law No. 87/2014/QH13 of National Assembly of Vietnam on investment of November 26, 2014 posted on the website of Legal normative documents. [Electric resource]. URL: <http://vietnamlawenglish.blogspot.com/2015/05/vietnam-enterprise-law-2014.html>

[Luan Nguyen Thanh, 2015](#) – Luan Nguyen Thanh (2015). New points, facilitating businesses of the Law on Enterprise 2014. *Vietnamese Lawyer Journal*, No. 7/2015, pp. 34-38.

[Luan Thanh Nguyen, Ngoc Thi Ha, 2018](#) – Luan Thanh Nguyen, Ngoc Thi Ha (2018). The legal The Legal Nature of Land Use Rights in Vietnam. *Russian Journal of Comparative Law*, Vol (5), Is. 2, pp. 41-49.

[Nhat Nam, 2016](#) – Nhat Nam (2016). Start-up country – What opportunities for Vietnam?[Electric resource]. URL: <http://baochinhphu.vn/Tin-noi-bat/Quoc-gia-khoi-nghiepvan-hoi-nao-cho-Viet-Nam/281377.vgp>

[Tuyen Nguyen Quang, Luan Nguyen Thanh, 2016](#) – Tuyen Nguyen Quang, Luan Nguyen Thanh (2016). Amendments and supplements of the Law on Real estate business 2014 on real estate service business. *Journal of Law*. No. 10/2016, pp. 86-93.

[Vietnamese Civil Code, 2005](#) – Vietnamese Civil Code No. 33/2005/QH11 of June 14, 2005 posted on the website of World intellectual property organization. [Electronic resource]. URL: <https://wipolex.wipo.int/en/legislation/details/4125>

[Vietnamese Civil Code, 2015](#) – Vietnamese Civil Code No. 91/2015/QH13 of November 24, 2015 posted on the website of World intellectual property organization. [Electric resource]. URL: <https://wipolex.wipo.int/en/legislation/details/17200>

[Vietnamese Constitution Law Act, 2013](#) – Vietnamese Constitution Law Act, 2013 posted on the website of the Ministry of Justice. [Electronic resource]. URL: http://moj.gov.vn/vbpbq/lists/vn%20bn%20php%20lut/view_detail.aspx?itemid=28814

Copyright © 2019 by Academic Publishing House *Researcher*

Published in the Russian Federation
European Researcher. Series A
Has been issued since 2010.
E-ISSN 2224-0136
2019, 10(2): 94-100

DOI: 10.13187/er.2019.2.94
www.erjournal.ru

On the State of Studying the Georgian Written Culture before and in the Digital Era

Ketevan Gigashvili ^{a, *}, Tea Tvalavadze ^a, George Kalandadze ^a, Esma Mania ^a

^a Iakob Gogebashvili Telavi State University, Georgia

Abstract

Georgia, like many other cultural countries, has passed a long way from the oral culture to the written one and now it has been on the stage of digital culture. This long way includes all aspects of social, intellectual or spiritual lives of Georgia and Georgian people.

The goal of the research is to examine the state of exploring the Georgian written cultural heritage before and after emerging of the new technologies and show how much it is ready to overcome the challenges of the digital culture.

The paper emphasizes that, alongside with the internal favorable conditions, the strong cultural links with the Eastern and Western countries in the ancient and Middle Ages conditioned the high level of the Georgian written culture. In the period of the Soviet era, the cultural and scientific dialogue with the West was interrupted, which was recovered after the collapse of the Soviet Union.

Since the 1990s, the new technologies created the new perspectives for research and the new challenges emerged before the Georgian scientists – to implement the technology-based methods in researches.

By reviewing some scientific projects, carried out or running by the Georgian researchers, the paper sheds light on how the Georgian scientists overcame the existing problems and what problems they are facing in the epoch of digital culture.

Keywords: Georgian written cultural heritage, digital era, soviet ideology, digital humanities.

1. Introduction

Among the cultural heritage created by mankind, the written culture holds the most important place. It comprises a set of aspects, beginning with cultural, social, intellectual or spiritual values, ending with identity. Its origin and development history often determines the place of a nation in a civilized world.

Under the term “written culture” we imply the whole spectrum of human activities created through writing process: alphabet, epigraphic monuments, manuscripts, manuscript books, printed books, electronic books – following the oral culture. Each of them represented the essential means of transferring the textual information in its time. In scientific literature, writing is estimated as a cultural practice, covering many contexts of life (Lyons, Marquilhas, 2017).

Bottéro considers the move from the oral to the written to be a radical transformation, a

* Corresponding author

E-mail addresses: keti.gigashvili@gmail.com (K. Gigashvili), teatvalavadze@gmail.com (T. Tvalavadze), gkalandadze@hotmail.com (G. Kalandadze), esmamania@manuscript.ac.ge (E. Mania)

renewed vision of things, a change in the way people communicate and the quality of their messages (Bottéro, 1995). The first step of written culture – writing is associated with the birth of civilization, the start of history (Panosa, 2004). Coulmas sees writing as a result, product and condition of civilization (Coulmas, 1991).

Georgia is pretty rich by its written culture, which represents its visit card abroad. The samples of written monuments are found on the territory of Georgia from the earliest centuries. The Georgian alphabet is among a few number of the world writing systems. Most of the scientists assign the origins of Georgian alphabet to the Christian epoch but in accordance with some research findings, the documentary history of Georgian written culture is likely to begin with the Armazian ligatures of Pitiakhsh Chargasi (dated to the 75 CE), Phlavios Dade, and Bersum Pytiakhshi (dated to the 75-79 CE) (Nimidze, Chelidze). Aleko Tsintsadze argues, that the culture of the alphabet in the territory of Georgia is confirmed even at least by the 10th century BC.*

In 2015, in Graklian Hill, Eastern Georgia, through archeological excavations, by the leadership of professor Vakhatbg Licheli, the oldest inscription was found dated back to the 11th - 10th centuries BC. It has not deciphered yet. The scientists suppose that they are dealing with the track of the oldest civilization.†

In 2016, The three systems of Georgian alphabet were included into UNESCO intangible cultural heritage.‡ Georgia has consistently stepped up the process of keeping and transmitting textual information from ancient epigraphic materials till electronic books. The oldest Georgian manuscripts preserved the translations of the New Testament. Their ancient layer is saved in the palimpsest sheets. According to the recent discoveries, in Dagestan, on the lower stratum of the Arabic palimpsest, the Georgian text, namely, the Gospel written in Asomtavruli was found. Professor Dali Chitunashvili stated that it can be dated to the 6th-7th centuries.§

Ivane Javakhishvili, Akaki Shanidze, Elene Metreveli, Ekvtime Takaishvili, Ilia Abuladze, Valeri Silogava, Thomas Gamkrelidze and many others played a great role in studying Georgian written culture. They examined the issues by the research methods known for their working period.

2. Research methods

Our research basically relies on the review of the Georgian written culture and its study before and after emerging of the new technologies. While examining the problem, we used the widespread research methods: historical-comparative, analytical, and creative.

3. Discussion

The oldest educational centers in old Georgia prepared the ground for development of the humanitarian thinking. We can name the higher rhetorical school – the Colchis academy – near Phazisi in VI-III BC where the rhetorical arts, philosophy, literature, music and other disciplines were taught. The strong cultural links with the world civilization, particularly, with the Mediterranean countries in the ancient and Middle Ages conditioned the high level of the Georgian written culture and its study.

Georgian-Syrian and Georgian-Palestinian relations were laid the foundation in the 5th-6th cc. In the 6th century, 13 Assyrian fathers came from Mesopotamia in Georgia, significantly contributing to the development of the manuscript tradition in Georgia.

From the 7th century, when monastic life was significantly strengthened, churches and monasteries became educational and cultural-literary centers, where the bible, chant, philosophy, and the foreign languages were taught.

From the 8th century, the monastery centres of Tao-Klarjeti had a close connection with St. Sabas Laura. In one of the Tao-Klarjeti Laura, Oshki, the full text of the Georgian wording of the Pentateuch of Moses was rewritten.

* [Electronic resource]. URL: <http://expressnews.com.ge/?id=28408>

† [Electronic resource]. URL: <https://sputnik-georgia.com/culture/20160725/232822184.html>

‡ [Electronic resource]. URL: <http://www.parliament.ge/en/media/axali-ambebi/qartuli-anbani-unesco-s-msoflios-aramaterialuri-kulturuli-memkvidreobis-nusxashia.page>

§ [Electronic resource]. URL: <https://www.radiotavisupleba.ge/a/დადესტანში-აღმოჩენილი-ქართული-ოთხთავის-თავკადასავალი/29859209.html>

The literate society of Georgia was interested in the profound adaptation of the Byzantine culture. Now the main attention was drawn to the monastic centers of the Empire. From the 9th c. Georgians started to serve here, first in Greek, and later in Georgian monasteries.

In the 8th-10th centuries, besides the Laura of St. Sabas, the Georgians were serving in Palestine, where the Georgian monastic-literary activity renewed with a new force from the 11th century, headed by the Georgian Jvari (Cross) Monastery. Today we know about 160 manuscripts of the Jerusalem Georgian collection.

In the Ulumbo, or Olimpi Mountain a famous Georgian figure Hilarion laid the foundation for the colonization of Georgians. On the proposal of Emperor Basil, Hilarion Kartveli's (Georgian) disciples founded Romana (Hromana) Monastery in the center of the European coast of the Bosphorus Strait near Constantinople, in 876.

In 980–983s, one of the most important monasteries in the history of Georgian written culture – Athos Iviron Monastery was founded, where a special literature-translation and calligraphy school was established. This school, its leaders Ekvtime and Giorgi Athonelies, and the group of literate monks who had gathered around them in the 10th–11th centuries, led a wide educational-cognitive direction of Georgian theological writings; they introduced and established all the important achievements of the Western-Byzantine culture and, at the same time, maintained and developed the national content of Georgian literature. Ekvtime and Giorgi took the responsibility of translating theological monuments into Georgian again, which played an important role in the transition of the Georgian Liturgy into the Byzantine Order. They translated the Gospel from Greek to Georgian as well as many other theological and clerical works; this contributed not only to the strengthening of Georgian Orthodox Church and the faith of Georgians, but also to the development of Georgian-Byzantine literary relations ([Chkhikvadze, 2010](#)).

Today, 86 Georgian manuscripts are kept in the Athos Iviron depository. A special attention should be paid to the monastic colonization of the Georgians on the Black Mountain near Antioch, which was intensively activated since the 30s of the 11th century.

From the end of the 10th century, the Georgian Colony continued to work on Mount Sinai. Klarjetian and Sinaitic-Palestinian Georgian manuscripts well reflect the greatest role of not only Greek, but also Christian Arabian and Syrian cultures in written texts.

The Georgian scribes had a very close contact with the Greek-Assyrian-Arab circles. In the Georgian manuscripts of the Black Mountain, parallelly with the Constantinople tradition, there was a trace of ancient Syrian culture. In the same period, a nobleman from Tao, Grigol Bakurianistze, who was close to the Byzantine Court, founded a Georgian monastery of Petritsoni in Bulgaria together with a Seminary. With the initiative Ioane Petritsi, here the most important philosophical-theological school was founded.

Georgian manuscript books have sometimes preserved those translations, whose original versions are lost – in Greek, Syrian, Arabic, Coptic, Latin, Armenian or Slavic languages. Over the centuries, the Georgian manuscript book has acquired the experience, which Small, Middle East and Byzantine countries have accumulated in the culture of written words. This experience relates to the cognitive-educational function of a book, as well as its artistic styling and manufacturing processes ([Machavariani, 2005](#)).

In the 12th – 13th centuries, when Georgia reached the peak of its political and cultural development, research-educational schools were opened in Gremi and Ikalto, called as Gremi Academy and Ikalto Academy. These centers contributed to the development of Georgian literature and philological thinking, the original writings were created, foreign literature was translated into Georgian.

In the 12th century, the Georgian King David Agmashenebeli founded Gelati Academy, the scientific-pedagogical and cultural-educational center, gathering the Georgian and foreign scholars there. The academy was put on an equal footing as the world famous scientific centers in that epoch, leading the development of Georgian culture. The philosophical-theological and literary occupation was carried out widely, based on the Christian thinking, led in the first period by great scholars and philosophers – Ioane Petriti and Arsen Ikaltoeli. As Historians evaluate, Gelati became "the second Jerusalem". Gelati Academy became an ideological center of early Renaissance (humanism) in Georgia. Many works were written and translated here, a lot of masterpieces were created in literature, science and art. David Aghmashenebeli knew that it was impossible to

implement a reasonable political course without transformation of the spiritual life. His church reform relied on the humanitarian values which laid the foundation for socio-political upheavals in 12th-13rd centuries. The traditions of the modern Byzantine high school were implemented in this school. The Georgian scholars strove for translating the works of ancient Greek and Byzantine writings into Georgian. The academy also gathered the works translated until the 12th century. The meaning of the manuscripts created here is beyond the limits of our country. Their scientific value is priceless not only for studying the history and culture of Georgia but also to study the history of the neighboring and nearby countries from the 10th to the 19th century.

The Georgian world-renowned scholars and philosophers of medieval times – Ephrem Mtsire, Arsen Ikaltoeli, Ioane Petritsi, and many others – have played a special role in the development of Georgian written culture, having gotten education in Constantinople, familiarizing with Byzantine advanced humanitarian thinking.

In the 12th century the poem "Knight in the Panther's Skin" was written in Georgia, one of the most brilliant masterpiece of the world literature, putting together the antique and medieval knowledge, especially the humanitarian thinking, outstripping the European Renaissance by two centuries.

Georgians have always respected and appreciated the promoted culture. The manuscripts performed by Byzantine artists or the ornamented Greek manuscripts were very popular in Georgia. Of course, this fact influenced the character of the Georgian manuscripts decoration, whose authors had mastered the Byzantine art of bookmaking and some motives. The authors of the manuscript sometimes changed the Byzantine samples and used certain characteristic signs of ornamentation of the Georgian manuscript book. While rewriting manuscripts, the authors merged the old ones with the new, the foreign ones with the local.

From the 10th century, the Georgian manuscript book used paper for writing, which was mainly found in the Georgian manuscripts created in the major centers of the East (Black Mountain, Mount Sinai) in this epoch.

From the 14th century, paper gradually got the advantage and terminally expelled the parchment. Georgian manuscripts were copied on Italian (15th), Persian (15th-17th), French (18th) and Russian (the end of the 18th – 19th) papers. In Georgia paper production did not develop.

From the 17th – 18th cc, the circle of Georgian cultural relations expanded. the Georgian written culture drew its attention to the European knowledge and experience, which was supported by the political relations in this epoch. On the one hand, appearance of Catholic missionaries in Georgia and on the other hand, attempts to establish a political union with Russia, have led to the introduction of the literary experience characteristic to these fields.

The Georgian monks conducted the important textual researches in both the country as well as in the scriptoriums existed abroad, rewriting the copies of manuscripts, compiling them with each other, writing the philological comments and notes in the margins, translating the important Biblical and religious monuments from foreign languages into Georgian. Exactly thanks to their merits in the 5th century we already had the translated Gospel, the fragments of which are kept in the lower layers of the palimpsest, dated to the 5th -6th centuries. They laid the foundation for the development of the textual scholarship, as the humanitarian discipline in Georgia, which took the further step forward for development along with the introduction of the printing press in 18th century.

It is particularly noteworthy that in 1708-1709 the Georgian printing press was established. In 1709–1712, the editions of the New Testament, Psalms and the "Knight in the Panther's Skin" were issued by Vakhtang King the 6th which were preceded by comparing the number of manuscripts to each other by the Scholars' Commission, establishing the text and commenting on it.

This tradition continued in the 19th century as well. The editions of separate works, for example, "Visramianysas" and "The Knight in the Panther's Skin" were based on dedicated work of such Commissions. With more or less intensity, the Georgian manuscript book preserved the existence until the beginning of the 20th century.

The relationship with European culture contributed not only to the development of the Georgian engraving manuscript book, but also to the introduction of printing. The first Georgian printed book – "Georgian-Italian Dictionary" was published in Rome in 1629. The book is composed by Stephanie Paolin, with the help of Georgian Nikipore Irbakhi, who was the Ambassador of

Teimuraz I from Georgia in the Western countries. This led to development of the printing occupation through the European way. The Georgian-Italian dictionary was not only the first Georgian printed book but also the first Georgian lexicographical work. With the active participation of Nikipore, not less noteworthy book "The Georgian alphabet with the prayers" was printed. Besides, the Georgian translation of the Catholic prayer and the "Georgian grammar" of Majo was published as well.

Despite great achievements in the field of culture, the history of the Georgian book is far behind of the European tradition, although it has significantly overrun the certain states of the Eastern Europe and Near Asia. One of the first books "Abagar" was published in Bulgarian language in 1651 in the same printing house in Rome where the first Georgian editions were published. Since the 1690s Antimos Iveriel made a significant contribution to the foundation of the printing press in Romania. He contributed greatly to the development of printing press in the Arabic and Greek languages, not to mention his indivisible merit in the establishment of the first printing press in Georgia in 1709. The first Turkish-Arabian printing house in Ottoman was created in Ottoman Empire in 1727 and in Iraq – in 1829 under the auspices of Daud Giorgian (David Giorgi Manvelashvili) (Chikobava, Vateishvili, 1983).

Taking the political situation existing in the nearest East, Caucasus and, namely, in Georgia in the 16th and 17th centuries into account, Niko Berdzenishvili (1979) considers this fundamental change in Georgian culture as a paradox. It is enough to recall the history of Georgia. After the overthrow of Byzantium, Georgia was divided into independent kingdom-principalities, and it was included into the environment of aggressively-disposed Muslim states, which, especially after the 16th century, contributed to increasing the invasions of conquerors and deepening the contradictions existing inside the country. The Fields of domination in Georgia were distributed between Persia and the Ottoman Turkey. Since then, the struggle for freedom and independence of the Georgian people was going on under very difficult conditions on the background of fighting between Turkey and Iran to obtain the full power in the Transcaucasia. Therefore, in the 16th century, Georgia "had no longer cultural interaction between the West and the East as was used to be in the old times, but it was placed in the middle of the two abusers and was almost entirely cut off from the Western European Cultural World" (Berdzenishvili, 1973).

In the period of the printed press, the study of the Georgian written culture was at appropriate level, although it suffered the pressure of the Soviet ideology, which prohibited all what was foreign and did not allow scholars to have access to the scientific achievements of the world. The starting point for this ideology was atheism. Because of the strict censorship, the Biblical and religious texts were issued in other names, such as "Mtkheta Manuscript", "Khanmeti Miscellany", and others.

After collapse the Soviet Union, the Georgian scientists were given possibility to cut 'the iron curtain' to the West and catch up with the Western scientific achievements.

Since the 1990s, the new technologies created the new perspectives for research and the new challenges emerged before the Georgian scientists – to implement the technology-based methods in researches. In 1882, O. Walter used the term '*the technologizing of the word*' (Ong, 1982), indicating the beginning a new era in the life of mankind.

Since this time on, the Georgian scientists have been trying to keep track of the newest achievements. In 1999, in collaboration with European researchers, by financial support from The Volkswagen Foundation they began to implement the project, aiming at creating the database of the Georgian written cultural heritage, introducing some philological departments of the main scientific institutions of the Republic of Georgia into the framework of the World Wide Web, unifying in the form of the Data Bank ("Armazi").*

The project "Armazi" unites subprojects and represents the digital resources of the certain materials available at the research-educational institutions participating in the project. In the course of several individual projects, the participating institutes developed and tested methods of providing digital data for a common usage in research and teaching.

In 2003–2007, the Volkswagen Foundation funded the project "Palimpsests of Caucasian Provenance: New Approaches",[†] aiming at deciphering and editing the Caucasian-Albanian

* [Electronic resource]. URL: <http://armazi.uni-frankfurt.de/framee.htm>

† [Electronic resource]. URL: <http://armazi.uni-frankfurt.de/framee.htm>

palimpsests of Mt. Sinai and the Georgian palimpsest Cod.Vind.georg. 2 of the Austrian National Library with new scientific methods. By applying multispectral imaging, the project partners (J. Gippert, W. Schulze, Z. Aleksidze, J.-P. Mahé) succeeded in reading or reconstructing up to 98 % of the lower texts of the palimpsests.

The scientific partnership project “The Georgian National Corpus” (GNC) is a product of digital culture. It was created on the base of International project “The Georgian National Corpus – creation of the technological framework”, implemented from 2012, by financial support from Volkswagen Foundation. It aims to develop a comprehensive corpus which makes the Georgian language in all its diachronic and synchronic diversity accessible to scientific investigations from various perspectives (linguistics, literary studies, history, political and social sciences etc.).* Supporting resources of the project are the following projects: ARMAZI, TITUS,[†] GDC, Corpuscle.[‡]

Since 2015, Iliia State University has been carrying out the collaborative project “The Epigraphic Corpus of Georgia”,[§] aiming at documenting the epigraphic legacy preserved or found in the territory of Georgia, according to the standards of EpiDoc, the digital heir to the Leiden Convention. In the framework of the project, besides the Georgian, the digital publication of the corpora of the Urartian cuneiform, Aramaic, Greek, Jewish, Arabic, Persian and Armenian inscriptions are also being prepared.**

The monuments can be found on the project website by place, date, text category, monument type and numbering. The digital edition combining the critical and diplomatic editions, is supplied by map showing the places where the epigraphic material is preserved.

By digital publishing of inscriptions of Georgia, the scientific team expects to preserve the epigraphic material of Georgia and the editions of these inscriptions made by Georgian scientists since 1930s, but only few of them were published in international scientific journals.

From 2016, they have been preparing the new project on documenting and digital publishing of the cuneiform inscriptions of Georgia, published by Giorgi Melikishvili, the author of a grammar of Urartian (1963).

But this is a drop in the sea. Due to the limited use of digital technologies, the ancient Georgian cultural monuments, including manuscripts, are still inaccessible to world science, that have attracted the attention of foreign scientists since old times. We need to implement as much as possible the new technologies in the researches.

3. Conclusion

The research confirms that the development and refinement of the Georgian written culture and its study, alongside with the internal supporting factors, was promoted by the cultural relations with the civilized states of old times, Byzantine (Eastern Roman Empire) and the whole Christian Western or Eastern world. The high level of Georgian written tradition in the Middle Ages was achieved thanks to these links. Georgian culture was adopting all the best from foreign cultures all over the world and implanted it on its own ground, giving it the national, original character. The past experience teaches us that scientific networks with West and entire civilized world are extremely important for us to fill out the gaps in the researches with the modern methods and get back the international level, we always had. The scientific projects fulfilled in the nearest past or running now in collaboration with foreign scientists give us hope that technology-based researches in the direction of study the Georgian written culture will successfully continue in Georgia.

4. Acknowledgments

The work was supported by Shota Rustaveli National Science Foundation of Georgia (SRNSF) [Grant #DP2016_18, ‘Textual Scholarship and Editorial Studies’].

* [Electronic resource]. URL: <http://gnc.gov.ge/gnc/page?page-id=gnc-project>

† [Electronic resource]. URL: <http://titus.uni-frankfurt.de/indexe.htm>

‡ [Electronic resource]. URL: <http://clarino.uib.no/korpuskel/page>

§ [Electronic resource]. URL: <http://epigraphy.iliauni.edu.ge/en-US>

** Principal Investigator Nino Dobarjginidze.

References

- [Berdzenishvili, 1973](#) – *Berdzenishvili, N.* (1973). Issues of Georgian History, VI, Tbilisi.
- [Bottéro, 1995](#) – *Bottéro, J.* (1995). La escritura y la formación de la inteligencia en la antigua Mesopotamia. In: Bottéro, J. et al. *Cultura, pensamiento, escritura*. Barcelona: Gedisa Editorial, pp. 9-43 (Lea).
- [Chikobava, Vateishvili, 1983](#) – *Chikobava, Ar., Vateishvili, J.* (1983). The First Georgian Printed Editions, Tbilisi: Khelovneba.
- [Chkhikvadze, 2010](#) – *Chkhikvadze, N.* (2010). Georgian Manuscript Book, 5th-19th centuries, On-line Album, Tbilisi. [Electronic resource]. URL: http://geomanuscript.ge/Kartuli_Khelnaweri_Albomi.pdf
- [Coulmas, 1991](#) – *Coulmas, F.* (1991). The writing systems of the world. Oxford: Basil Blackwell Ltd.
- [Lyons, Marquilhas, 2017](#) – *Lyons, M. Marquilhas, R.* (eds.) (2017). *New Directions in Book History, Approaches to the History of Written Culture*, Palgrave Macmillan. [Electronic resource]. URL: http://alfclul.clul.ul.pt/crpc/PapersEval2018/Lyons_Marquilhas_2017_original.pdf
- [Machavariani, 2005](#) – *Machavariani, H.* (2005). Georgian Manuscripts. [Electronic resource]. URL: <http://www.nukri.org/index.php?name=News&file=article&sid=588>
- [Ninidze, Chelidze](#) – *Ninidze, M., Chelidze, V.* Georgian script model and Georgian inscriptions of the first century CE (Following Paul Ingorokova's historiographical studies). [Electronic resource]. URL: <http://eprints.tsu.ge/773/1/Wkarotmcodneoba%202.pdf>
- [Ong, 1982](#) – *Ong, Walter J.* (1982). *Orality and Literacy: The Technologizing of the Word*. London: Methuen, P. 31, 37-49.
- [Panosa, 2004](#) – *Panosa, M. Isabel* (2004). The beginnings of written culture in Antiquity. *Digithum* [online article]. UOC. No. 6.

Copyright © 2019 by Academic Publishing House *Researcher*

Published in the Russian Federation
European Researcher. Series A
Has been issued since 2010.
E-ISSN 2224-0136
2019, 10(2): 101-109

DOI: 10.13187/er.2019.2.101
www.erjournal.ru

Hermeneutical analysis of the film «Picnic at Hanging Rock»

Olga Gorbatkova^{a, *}

^a Rostov State University of Economics, Russian Federation

Abstract

Investigating the results of the hermeneutic analysis of the film *Picnic at Hanging Rock* (1975), the author concludes that: this media text represented of the historical, ideological political and sociocultural context of the edge of the 20th century. The depth of reflection of the problems of women's education is closely connected with the political and socio-cultural features of the historical era. Media text realistically conveys the atmosphere of the past; in the plot line the pedagogical system is reflected, the theoretical basis of which was the traditional Victorian values (family, love, religion, patriotism, sense of duty, loyalty, modesty, generosity, generosity of the soul, etc.); The plot, densely immersed in the educational process, largely relates to the themes of growing up and is stripped of bright episodes of a sexual nature and liberated behavior; the main emphasis is placed on moral education, on the fact that cultural development was clearly conditioned by morals, which to some extent oppressed the rights of women as a free person; the film metaphorically reflected the social and moral struggle (for personal happiness, love, truth, the ability to determine life patterns independently, to follow one's wishes, freely express their thoughts, etc.); in this context, teachers are represented by strict, scrupulous in the line of conduct and observance of the framework of decency by female images.

Keywords: hermeneutic analysis, film, film production, media text, teacher, students.

1. Введение

«Пикник у Висячей скалы» (*Picnic at Hanging Rock*) – один из признанных киношедевров XX века. Фундаментом повествовательной формулы этого аудиовизуального медийного текста выступает тема женского образования в австралийском элитном учебном заведении закрытого типа эпохи рубежа XX века. Авторам удалось отразить в фильме реальную действительность и основные тенденции социально-культурного контекста эпохи, поднимая весьма важные, не потерявшие актуальность темы: взаимоотношения в системе «учитель-ученик», «ученик-ученик»; тема влюбленности и взросления; социальное разделение; проблема самоидентификации.

И сегодня для нас герменевтический анализ фильма «Пикник у Висячей скалы» (*Picnic at Hanging Rock, 1975*) представляет ценность как в педагогическом плане, так и в культурологическом аспекте.

* Corresponding author
E-mail addresses: gorbatkova1987@bk.ru (O. Gorbatkova)

2. Материалы и методы

В качестве материала исследования выступает аудиовизуальный медиатекст «Пикник у Висячей скалы» (*Picnic at Hanging Rock, 1975*); основной метод – герменевтический анализ (включая: анализ стереотипов, идеологический анализ, идентификационный анализ, иконографический анализ, сюжетный анализ и др.); вместе с тем, наше внимание сфокусировано на изучение критических отзывов зарубежных (Baumgarten, 2003; Kendrick, 2014; Kermode, 2004; Schickel, 1979 и др.) и российских кинокритиков (Гордеев, 2008; Кудрявцев, 1999; Кузьминский, 2018; Нефедов, 2016 и др.) об это произведении. Базисом осуществления герменевтического анализа фильма «Пикник у Висячей скалы» (*Picnic at Hanging Rock, 1975*) выступают технологии анализа медийных текстов, предложенные К. Бэээлгэт (Bazalgette, 1995), А. Силверблэтом (Silverblatt, 2001: 80-81), В. Дж. Поттером (Potter, 2001) и У. Эко (Эко, 2005).

3. Обсуждение

Мистическая драма «Пикник у Висячей скалы» (*Picnic at Hanging Rock, 1975*) П. Уира – первый австралийский фильм, имевший большой успех во всем мире, именно после его выхода пресса заговорила о появлении в австралийском кино «новой свежей волны» (Tasker, 2002; Orr, 1998; McFarlane, Mayer, 1998).

Заметим, что в кинематографе западных стран 1975 год был отмечен появлением ряда шедевров («Барри Линдон» / *Barry Lyndon, 1975*, «Дуэлянты» / *The Duellists, 1977*, «Профессия – репортер» / *Professione: Reporter, 1975*, «Пролетая над гнездом кукушки» / *One Flew Over the Cuckoo's Nest, 1975*). И «Пикник у Висячей скалы» дополняет список абсолютных шедевров. Все перечисленные киноленты – «высочайшие образцы киноискусства, на них учатся, их цитируют. Многие эффектные кадры новейшего кинематографа ведут свою родословную именно оттуда» (Дегтярев, 2013).

Самые первые кадры фильма П. Уира – это сцена пробуждения. Просыпается юная Миранда, «она – ученица пансионата, в котором дают не столько научные знания, сколько вкладывают в юных девушек, которым только предстоит жить, общепринятые правила хорошего тона, морали, в общем, всего того, что надлежит знать «на автомате» порядочной девушке, будущей жене и представительнице современной английской культуры. Пансионат – замкнутое, закрытое пространство, где девочкам приходится взрослеть. В них пробуждаются сексуальные желания, девочки грезят, мечтают, читают романтические стихи, влюбляются друг в друга и обожают друг друга» (Гордеев, 2008).

«Пикник у Висячей скалы» повествует о загадочных событиях, происходящих в день святого Валентина 1900-го года с ученицами и педагогами элитного учебного заведения. В этот день ученицам было разрешено в сопровождении учителя танцев и учительницы математики отправиться на пикник к подножью горы под названием «Висячая скала». На пикнике девушки пили чай, вели непринужденные беседы, наслаждались чарующими красотами природы. И ровно в полдень, в то время когда большинство отдыхающих одолела дремота, четыре воспитанницы, нарушая запрет директора приближаться к скале, взбираются на гору, чтобы ее осмотреть... И тут оказывается, что скала обладает невероятным природным магнетизмом, собственной волей, настолько сильной, что способна была подчинить человека: с ученицами происходят неординарные вещи, они странным образом меняют свое поведение (снимают с себя чулки, прижимаются к скале, их охватывает сильная усталость) и исчезают в расщелине. Лишь одна из девушек не подверглась магическому воздействию и бросилась бежать обратно. Позднее ученица расскажет, что когда она бежала вниз по склону от горы, она запомнила, что учительница мисс Макгро следовала в том же направлении, что и пропавшие девушки (она была без юбки, в одних панталонах), а над скалой нависла красноватая туча.

Далее в ходе сюжета начинаются поиски пропавших, но все попытки тщетны ровно до того момента, когда на скалу отправляются двое парней: англичанин-аристократ, отдыхающий в Австралии у родственников, и его друг, конюх, прислуживающий его родным. Им удается отыскать одну из воспитанниц – Ирму, находившуюся на вершине горы около недели и пребывавшую в бессознательном состоянии. Что же все-таки произошло, она не смогла объяснить. Остальные пропали бесследно...

Фильм пропитан мистикой, тревожным ожиданием несчастья, так как «что-то неведомое вторглось в девственную рошу у скал и похитило невинные беззащитные создания. Но подобная трактовка значительно упростила бы замысел режиссера. Присутствующая в воздухе загадка заставляет отнести к этому фильму как к пророческому, словно режиссер переносит нас в 1901 год, по-настоящему первый в новом столетии, когда как раз и происходит действие картины. В этом смысле «Пикник у Висячей скалы» оказывается своеобразной антиутопией» (Кудрявцев, 1999).

Драму П. Уира отличает изощренная метафоричность. Например, авторы фильма акцентируют внимание на том, что день святого Валентина считался «днём спаривания птиц. С самого начала дня речь идёт о неспособности птиц разбиться на пары и сформировать отношения», – отмечает значимость этого мотива сам автор картины (York, 1999: 85-86). Авторы стремились использовать оригинальные кинематографические примы, и визуально-звуковые параллели между ученицами и птицами – яркий пример использования языка зрительных эмблем и метафор. Например, девушки метафорически сближаются с запертыми в клетке птицами (Schickel, 1979), по школьной территории медленно передвигаются индейки и гуси – это знак покорности воле директора миссис Эпльярд (McFarlane, 1988: 28-29; Waller, 1987: 172).

Уже в первых мизансценах картины довольно большое количество цветов: в комнатах девушек в бесчисленных вазах стоят живые букеты, множество цветов и искусственного происхождения, – они изображены на многочисленных открытках, шкатулках и пр. Вместе с тем в тему цветения вплетается и мотив смерти: «крупным планом показывается умерщвление цветка – ученица сдавливает его изящным настольным прессом для гербария. Это первый зловещий символ фильма, сделанного в жанре мистического детектива-триллера. Природа враждебна. Девушки – «цветы жизни», которым вскоре предстоит превратиться в «ягодки». «Цветы жизни», которыми являются девушки, уже способны убивать» (Гордеев, 2008).

Наличие в медийном тексте цветового символизма – еще одна содержательная составляющая авторского замысла. Белоснежные чулки, платья, перчатки и туфли учениц созвучны с их внутренней чистотой и невинностью. К примеру, перед своим отъездом Ирма – одна из пропавших девушек, найденная позже – появляется в ярко-красном наряде, который символически передает её обретенную зрелость, уверенность, тем самым демонстрирует ее готовность покинуть стены пансиона.

Одна из отличительных особенностей картины – отсутствие ярких эпизодов сексуального характера, притом, что по ходу развития сюжета зрители не могут не ощутить латентный эротизм, что называется, разлитый в воздухе повествования. Все, что связано с открытым сексом в фильме относится к слугам, которые, как правило, относились к людям неблагородного происхождения и не обладали светской моралью.

Очень точно, с неподдельной ностальгией в «Пикнике у Висячей скалы» показан «конец прекрасной эпохи»: «главные герои в киноленте «Мистер Время и госпожа Утрата. Этот фильм – о невозможности вернуть то, что ушло» (Дегтярев, 2013). Ушел прекрасный XIX век, ушли времена, когда девушки без всякого стеснения спали в обнимку и писали друг другу на День Святого Валентина стихи о любви – ибо так приличнее, чем молодым людям, даже воображаемым. Ушло странное, прекрасное время, когда «сорок лет ничего не менялось, и все было прекрасно» (Дегтярев, 2013).

Одна из особенностей фильма – отсутствие главного персонажа. Как утверждает сам Питер Уир, «поначалу ваше внимание приковывает к себе Миранда, затем она исчезает. Появляется Майкл как тот, кого преследуют мысли о Миранде. А потом, словно в эстафете, он передаёт палочку следующему персонажу – сироте-школьнице Саре и её неотступным воспоминаниям о Миранде, а также её отношениям с хозяйкой колледжа. На них и заканчивается рассказ. Но остаётся это странное чувство разъединённости. Сплетение эпизодов лишено завершённости. Каждый эпизод напоминает то, какой была в те годы сельская местность, – это всё разрозненные островки жизни» (цит. по: York, 1999).

На первый взгляд – это не то оккультная, не то детективная кинолента, но в «Пикнике у Висячей скалы» нет привычных для школьной темы ключевых героев, есть таинственный ребус, но нет разгадки, и авторы медиатекста искусно увлекают аудиторию в своего рода чарующий квест». Любопытно, что «долгое время считалось – точнее, не опровергалось, что

картина основана полностью на реальных фактах, и теперь реальная Висячая скала сделалась местом паломничества туристов» (Гордеев, 2008).

Наш контент-анализ многочисленных статей о «Пикнике»...» показал, что наиболее частыми эпитетами, сопровождающими положительную оценку фильма были «шедевр», «успешный», «поэтический», «захватывающий», «великолепный», «загадочный», «таинственный», «превосходный», «мистический» и т.п.:

- великолепно снятый и тщательно спланированный фильм имеет сказочное качество, которое отличает его даже от австралийских новых фильмов (Kendrick, 2014);

- это больше, чем просто сюжет. Питер Уир часто снимал фильмы о персонажах, которые каким-то образом противоречат их окружению, и этот остается одним из его лучших и самых захватывающих (Anderson, 2014);

- Питер Уир снял этот тревожный, атмосферный фильм в начале своей карьеры, и он по-прежнему – один из самых успешных проектов на сегодняшний день. Фильм – это жуткая тайна, которая неуместно возникает при ярком солнечном свете (Baumgarten, 2003);

- загадочный и поэтический, он сохраняет свою актуальность и сегодня (Picnic At Hanging Rock, 2010);

- это культовый фильм, который помогает укрепить австралийский кинематограф на международной арене (Picnic At Hanging Rock, 2007);

- изящный шедевр, который избегает знакомых повествовательных структур, чтобы представить нам что-то гораздо более похожее на реальную жизнь, менее прямолинейная история, мощный именно потому, что оставляет нам чувство разочарования (Kermode, 2004).

- «дай Бог каждому нынешнему кинопродукту, со всеми теперешними технологиями и достижениями, иметь такую «картинку» – и по сочности красок, и по содержанию. «Пикник у висячей скалы» абсолютный шедевр» (Дегтярев, 2013);

- «Питера Уира можно считать автором чуть ли не самой грандиозной мистификации в истории кинематографа, на фоне которой резонанс, вызванный итальянцем Руджеро Деодато («Ад каннибалов», 1980), не говоря уже о дебютантах из США Дэниеле Мирике и Эдуардо Санчесе с их «Ведьмой из Блэр: Курсовой с того света» (1999), покажется неудачной и не слишком убедительной шуткой» (Нефедов, 2016);

- «Этот фильм относится к числу самых загадочных и невероятно красивых произведений мирового кино. Ленту Питера Уира можно воспринимать как таинственный интеллектуальный детектив, чрезвычайно деликатный по атмосфере, изящный по художественному исполнению, «удивительная кинопоэма», «триумф импрессионистского стиля» (Кудрявцев, 1999);

- «В Австралии, молодой, подчиненной Британии стране, не было великих писателей. Питер Уир блестяще компенсирует этот недостаток собственными наработками в более сложном, коллективном виде искусства – кинематографе» (Гордеев, 2008);

- «Питер Уир снял на основе романа Джоане Линдсей фильм, который, в общем-то, больше чем фильм. Грациозная, эфирная Мирандла в исполнении Энн-Луиз Лемберт сделалась эмблемой новой волны австралийского кинематографа и предметом сотен глубокомысленных интерпретаций. Помимо прочих достоинств картина Уира обладает свойством не устаревать стилистически: глядя ее сегодня, с трудом веришь, что ей уже сорок с лишним лет» (Кузьминский, 2018).

Сюжетный анализ фильма «Пикник у Висячей скалы» позволил нам выделить следующие ключевые темы данного аудиовизуального медиатекста:

- смена эпох: в фильме представлен исторический рубеж конец XIX – начало XX века, всего через год закончится правление королевы Виктории, а Австралия обретет независимость;

- взросление (тайные влюбленности). Особый акцент сделан на том, что момент наступления полового созревания в целом кардинально не совпадал с миром учениц колледжа. Основным препятствием в общении полов выступают викторианские взгляды. Однако сексуальный аспект выступает частью художественного произведения, «сексуальные влечения повсюду: учениц к ученицам, учениц к преподавательнице, преподавательницы к кому-то неизвестному, даже горничной к садовнику» (Canby, 1979);

- социальная дифференциация. Обладателями земного счастья становятся представители низших социальных слоев (к примеру, садовник и горничная), это напрямую связано с социальным положением и возможностью жить полноценной сексуальной жизнью;

- сон: таинственная скала как бы окутывает персонажей сонным туманом, а в ночь смерти Сары в кадр попадает картина, изображающая спящую женщину и т.д.;

- межличностные и поколенческие конфликты.

Традиционный детектив предполагает, что тайна (исчезновения, убийства, кражи и т.п.) должна быть раскрыта в финале. В исследуемом медиатексте сюжет развивается совершенно не так, как принято в классической детективной истории. Исчезновение воспитанниц и учительницы остается тайной, но непредсказуемость финала вовсе не разочаровывает, а создает предпосылки для самостоятельного рассуждения.

4. Результаты

Особенности исторического периода создания фильма «Пикник у Висячей скалы» (Picnic at Hanging Rock, 1975), условия рынка, способствующие замыслу, процессу создания медиатекста, степень влияния событий того времени на медиатекст.

Многие исследователи в области кино резонно полагали, что период 1970-х – 1980-х годов в австралийском кинопроизводстве – был его «золотым веком». В первую очередь это было связано с увеличением бюджетного финансирования для австралийских кинопроизводителей. Так, в 1970 году была создана Австралийская корпорация по развитию кино (*Australian Film Development Commission*). В 1975 она была преобразована в Австралийскую кинематографическую комиссию с целью организации финансирования и производства интернационально конкурентоспособных кинопроизведений. Появление фильма «Пикник у Висячей скалы» в 1975 году напрямую связано с финансовой поддержкой государства в лице австралийской комиссии.

Картина П. Уира имеет своеобразную повествовательную конфигурацию, отражая (наряду с другими кинолентами о школьно-студенческой жизни), тонкий душевный мир юных персонажей, стоящий на пороге взрослой жизни. Это тонкое исследование отношений человека и природы, глубин души и ее латентных проявлений, резко отличающиеся от целой череды сексуально озабоченных лент о школе, хлынувших на западные экраны в период сексуальной революции 1970-х.

«Пикник...» создает впечатляющую картину англоязычной образовательной системы порога XX века с учетом, пусть и опосредованного, культурного, политического, идеологического контекста.

Идеология, мировоззрение автора изучаемого медиатекста в социокультурном контексте; культура мира, изображенная в медиатексте.

Авторская идея затрагивает аспекты социальной и личностной морали эпохи, когда весьма негативно воспринимались акцентирование сексуальности, аморальное и асоциальное поведение (употреблении алкогольных напитков, применение ненормативной лексики и т.д.), любые проявления неподчинения, агрессивности, индивидуализма, независимости, свободы самовыражения, мятежных настроений, а основным законом школьной жизни было соблюдение викторианской морали.

Мировоззрение персонажей «школьного мира», изображенного в медиатексте.

Мир в фильме «Пикник у Висячей скалы» зыбок и амбивалентен, персонажи стремятся к счастью, но далеко не многим из них выдается возможность самостоятельно управлять собственной судьбой.

Какова представлена иерархия ценностей согласно мировоззрению персонажей медиатекста?

Доминирующие ценности персонажей: любовь, дружба, толерантность, взаимопомощь, взаимоподдержка, милосердие, скромность, готовность помогать людям, соблюдение строгого этикета, уважение педагогов и родителей, соблюдение традиций, стремление к нравственным и духовным идеалам.

Структура и приемы повествования в медиатексте.

- *место и время действия медиатекста*: Австралия, 1900 год. Место действия – учебное заведение закрытого типа - пансионат, классы, кабинет директора, жилые комнаты, прилегающая территория, окрестности Висячей Скалы.

- *обстановка, предметы быта персонажей медиатекста*: элитное учебное заведение выглядит очень комфортабельно и уютно (дорогие предметы интерьера и отделочные материалы, присущие стилю Викторианской эпохи; жилые комнаты воспитанниц оснащены всеми необходимыми для обихода предметами быта);

- *приемы изображения действительности*: для изобразительного ряда характерна манера магического импрессионизма с изысканной атмосферой портретов и пейзажей.

Персонажи, их одежда, телосложение, лексика, мимика, жесты:

Внешний вид персонажей находится в рамках тогдашних представлений о том, как должны выглядеть ученицы/педагоги закрытого учебного заведения – пансионата периода рубежа XX века. Разумеется, это накладывает отпечаток и на внешний вид, и характер, и на лексику персонажей. Особенно ярко в изображении школьной жизни прослеживается соответствие общепринятым правилам и требованиям к внешнему виду учителей и учеников. Персонажи – ученицы одеты в длинные безупречные кружевные белые платья с корсетами, рубашки с высоким воротником, чулки, туфли, длинные перчатки, шляпки, зонтики. Отметим, что длинные перчатки в XIX веке – это символ аристократизма, а шляпка – основной атрибут леди из высшего общества.

Что же касается персонажей-учителей, то при всей строгости их внешнего вида акцент делался на непререкаемом авторитете, принципиальности по отношению к учащимся.

Сюжетное изменение в жизни персонажей медиатекста и возникшая проблема:

- *сюжетный вариант № 1*: проблема межличностного характера: страдание от нереализуемого чувства влюбленности, поиски счастья; *решение проблемы* - обретение душевного спокойствия и равновесия путем использования имеющихся вариантов для реализации мечты;

- *сюжетный вариант № 2*: личностное самоопределение; *решение проблемы* - борьба персонажей за свободу выбора и самовыражение, настойчивость, отстаивание своей точки зрения;

- *сюжетный вариант № 3*: конфликт между отдельным человеком (ученицами) и существующего педагогического стиля учебной деятельности (коллективом педагогов). Директор пансиона – представитель старой доброй Англии, включающий типичные черты прошлого. Вместе с тем, пропавшие ученицы - ее противоположность. Они отвергают устаревшие традиции и стремятся жить по-своему; *решение проблемы* – директор принимает решение покинуть занимаемую должность и умирает.

5. Заключение

Герменевтический анализ фильма «Пикник у Висячей скалы» показал, что:

- в медиатексте представлен исторический, идеологический политический и социокультурный контекст рубежа XX века;

- глубина отражения проблематики женского образования тесно связана с политическими и социально-культурными особенностями исторической эпохи, медиатекст реалистично передает атмосферу прошлого времени;

- в фильме дан образ учебного заведения с устоявшимися отношением и традициями к вопросу организации женского образования, в соответствии с социальным заказом, характерным уходящей эпохи XIX в., в то время как, в правительственных кругах уже к концу XIX в. назревала необходимость развития женского образования;

- в сюжетной линии отражена педагогическая система, теоретической основой которой выступали традиционные викторианские ценности (семья, любовь, религия, патриотизм, чувство долга, преданность, скромность, благородство, щедрость души и т.д.);

- сюжет, плотно погруженный в воспитательный процесс, в значительной степени касается тематики взросления и лишен ярких эпизодов сексуального характера и раскрепощенного поведения;

- основной акцент сделан на нравственном воспитании, на том, что культурное развитие было четко обусловлено нормами морали, которая в определенной мере притесняла права женщины как свободной личности;

- фильм метафорически отразил социально-нравственную борьбу (за личное счастье, любовь, истину, возможность определять самостоятельно жизненные установки, следовать своему желанию, свободно выражать свои мысли и т.д.);
- в этом контексте педагоги представлены строгими, щепетильными в линии поведения и соблюдении рамок приличий женскими образами.

6. Благодарности

Данная статья написана при финансовой поддержке Российского научного фонда (РНФ, проект № 17-18-01001) в Ростовском государственном экономическом университете. Тема проекта: «Школа и вуз в зеркале советских, российских и западных аудиовизуальных медиатекстов». Руководитель проекта А.В. Федоров.

Литература

- Гордеев, 2008 – Гордеев В. Австралийский символизм // Ekranka.ru. [Electronic resource]. URL: <http://www.ekranka.ru/?id=f1373>
- Дегтярев, 2013 – Дегтярев К. Пикник у Висячей скалы // Proza.ru. [Electronic resource]. URL: <http://www.proza.ru/2013/12/16/1158>
- Кудрявцев, 1999 – Кудрявцев С.В. Мастер пограничных положений // Если. 1999. № 04. [Electronic resource]. URL: <http://sv-scena.ru/Buki/YESli-1999-04.42.html>
- Кузьминский, 2018 – Кузьминский Б. Серил «Пикник у Висячей скалы» переворачивает знаменитый одноименный фильм // Vedomosti.ru. [Electronic resource]. URL: <https://www.vedomosti.ru/lifestyle/articles/2018/05/22/770331-serial-piknik>
- Нефедов, 2016 – Нефедов Е. Пикник у Висячей скалы // Allofcinema.com. [Electronic resource]. URL: <http://allofcinema.com/piknik-u-visyachey-skalyi-picnic-at-hanging-rock-1975/>
- Эко, 2005 – Эко У. Роль читателя. Исследования по семиотике текста. СПб: Симпозиум, 2005. 502 с.
- Anderson, 2014 – Anderson, J.M. Picnic at Hanging Rock. Combustible Celluloid. 2014. [Electronic resource]. URL: http://www.combustiblecelluloid.com/classic/picnic_hanging_rock.shtml
- Baumgarten, 2003 – Baumgarten, M. Picnic at Hanging Rock Rock. Austin Chronicle. 2003. [Electronic resource]. URL: <https://www.austinchronicle.com/events/film/2000-08-30/140633/>
- Bazalgette, 1995 – Bazalgette, C. Key Aspects of Media Education. Moscow: Association for Film Education, 1995.
- Canby, 1979 – Canby, V. Australian Hawthorne Romance: From Down Under Rock. *The New York Times*. 1979. [Electronic resource]. URL: www.criterion.com/current/posts?month=10&year=1998
- Kendrick, 2014 – Kendrick, J. Picnic At Hanging Rock Rock. *Q Network Film Desk*. 2014. [Electronic resource]. URL: <http://www.qnetwork.com/review/3077>
- Kermode, 2004 – Kermode, J. Picnic At Hanging Rock Rock. *Eye for Film*. 2004. [Electronic resource]. URL: <https://www.eyeforfilm.co.uk/review/picnic-at-hanging-rock-film-review-by-jennie-kermode>
- McFarlane, 1988 – McFarlane, B. Australian Cinema. NY: Columbia University Press, 1988. P. 250. [Electronic resource]. URL: www.bookmice.net/darkchilde/rock/rockxxc.html
- McFarlane, Mayer, 1992 – McFarlane, B., Mayer, G. *New Australian Cinema. Sources and Parallels in American and British Film*. Cambridge: Cambridge University Press, 1992: 54-57.
- Orr, 1998 – Orr, J. Contemporary Cinema. Edinburg: Edinburgh University Press, 1988: 52-54.
- Picnic At Hanging Rock – Directors cut: DVD Urban Cinefile Critics. 2007. [Electronic resource]. URL: <http://www.urbancinefile.com.au/home/view.asp?a=13349&s=DVD>
- Picnic At Hanging Rock Rock, 2010 – Picnic At Hanging Rock Rock. *TV Guide*. 2010. [Electronic resource]. URL: <http://www.tvguide.com/movies/picnic-hanging-rock/review/109197/>
- Potter, 2001 – Potter W.J. Media Literacy. Thousand Oaks – London: Sage Publication, 2001, 423 p.
- Schickel, 1979 – Schickel, R. Cinema: Vanishing Point Rock. *Time.com*. 1979. [Electronic resource]. URL: www.time.com/time/magazine/article/0,9171,920277-1,00.html
- Silverblatt, 2001 – Silverblatt, A. Media Literacy. Westport, Connecticut – London: Praeger, 2001. 449 p.
- Tasker, 2002 – Tasker, Y. Fifty Contemporary Filmmakers. Routledge, 2002: 380-381.

Waller, 1987 – *Waller, G.* American Horrors: Essays on the Modern American Horror Film. Chicago: University of Illinois Press, 1987: 172.

York, 1999 – *York, B.* Speaking of Us: Voices from Twentieth-Century Australia. Canberra: National Library Australia, 1999: 85-86.

References

Anderson, 2014 – *Anderson, J.M.* (2014). Picnic at Hanging Rock. *Combustible Celluloid*. [Electronic resource]. URL: http://www.combustiblecelluloid.com/classic/picnic_hanging_rock.shtml

Baumgarten, 2003 – *Baumgarten, M.* (2003). Picnic at Hanging Rock Rock. Austin Chronicle. [Electronic resource]. URL: <https://www.austinchronicle.com/events/film/2000-08-30/140633/>

Bazalgette, 1995 – *Bazalgette C.* (1995). Key Aspects of Media Education. M.: Association for Film Education.

Canby, 1979 – *Canby, V.* (1979). Australian Hawthorne Romance: From Down Under Rock. *The New York Times*. [Electronic resource]. URL: www.criterion.com/current/posts?month=10&year=1998

Degtyarev, 2013 – *Degtyarev K.* (2013). Piknik u Visyachei skaly [Picnic at Hanging Rock]. *Proza.ru*. [Electronic resource]. URL: <http://www.proza.ru/2013/12/16/1158> [in Russian]

Eco, 2005 – *Eco U.* (2005). Rol' chitatel'ya. Issledovaniya po semiotike teksta [The role of the reader. Research on semiotics of the text]. SPb: Simpozium, 502 p. [in Russian]

Gordeev, 2008 – *Gordeev V.* (2008). Avstraliiskii simvolizm [Australian symbolism]. *Ekranka.ru*. [Electronic resource]. URL: <http://www.ekranka.ru/?id=f1373> [in Russian]

Kendrick, 2014 – *Kendrick, J.* (2014). Picnic At Hanging Rock Rock. *Q Network Film Desk*. [Electronic resource]. URL: <http://www.qnetwork.com/review/3077>

Kermode, 2004 – *Kermode, J.* (2004). Picnic At Hanging Rock Rock. *Eye for Film*. [Electronic resource]. URL: <https://www.eyeforfilm.co.uk/review/picnic-at-hanging-rock-film-review-by-jennie-kermode>

Kudryavtsev, 1999 – *Kudryavtsev S.V.* (1999). Master pogranichnykh polozhenii [Master of border regulations]. *Esli*. № 04. [Electronic resource]. URL: <http://sv-scena.ru/Buki/YEsli-1999-04.42.html> [in Russian]

Kuzminsky, 2018 – *Kuzminsky B.* (2018). Serial «Piknik u Visyachei skaly» perevorachivaet znamenityi odnoimennyi fil'm Series [Picnic at the Hanging Rock turns the famous film of the same name]. *Vedomosti.ru*. <https://www.vedomosti.ru/lifestyle/articles/2018/05/22/770331-serial-piknik> [in Russian]

McFarlane, 1988 – *McFarlane, B.* (1988). *Australian Cinema*. NY: Columbia University Press, p. 250. [Electronic resource]. URL: www.bookmice.net/darkchilde/rock/rockxxc.html

McFarlane, Mayer, 1992 – *McFarlane, B., Mayer, G.* (1992). *New Australian Cinema. Sources and Parallels in American and British Film*. Cambridge: Cambridge University Press: 54-57.

Nefedov, 2016 – *Nefedov E.* (2016). Piknik u Visyachei skaly [Picnic at a Hanging Rock]. *Allofcinema.com*. [Electronic resource]. URL: <http://allofcinema.com/piknik-u-visyachey-skalyi-picnic-at-hanging-rock-1975/> [in Russian]

Orr, 1998 – *Orr, J.* (1998). *Contemporary Cinema*. Edinburg: Edinburgh University Press: 52-54.

Picnic At Hanging Rock – Directors cut: DVD (2007). *Urban Cinefile Critics*. [Electronic resource]. URL: <http://www.urbancinefile.com.au/home/view.asp?a=13349&s=DVD>

Picnic At Hanging Rock Rock, 2010 – *Picnic At Hanging Rock Rock* (2010). TV Guide. [Electronic resource]. URL: <http://www.tvguide.com/movies/picnic-hanging-rock/review/109197/>

Potter, 2001 – *Potter W.J.* (2001). *Media Literacy*. Thousand Oaks – London: Sage Publication, 423 p.

Schickel, 1979 – *Schickel, R.* (1979). Cinema: Vanishing Point Rock. *Time.com*. [Electronic resource]. URL: www.time.com/time/magazine/article/0,9171,920277-1,00.html

Silverblatt, 2001 – *Silverblatt, A.* (2001). *Media Literacy*. Westport, Connecticut – London: Praeger, 449 p.

Tasker, 2002 – *Tasker, Y.* (2002). *Fifty Contemporary Filmmakers*. Routledge: 380-381.

Waller, 1987 – Waller, G. (1987). American Horrors: Essays on the Modern American Horror Film. Chicago: University of Illinois Press: 172.

York, 1999 – York, B. (1999). Speaking of Us: Voices from Twentieth-Century Australia. Canberra: National Library Australia: 85-86.

Герменевтический анализ фильма «Пикник у Висячей скалы»

Ольга Ивановна Горбаткова ^{а, *}

^а Ростовский государственный экономический университет, Российская Федерация

Аннотация. Исследуя результаты герменевтического анализа фильма «Пикник у Висячей скалы» (*Picnic at Hanging Rock, 1975*) автор делает выводы о том, что: в медиатексте представлен исторический, идеологический политический и социокультурный контекст рубежа XX века; глубина отражения проблематики женского образования тесно связана с политическими и социально-культурными особенностями исторической эпохи. Медиатекст реалистично передает атмосферу прошлого времени; в сюжетной линии отражена педагогическая система, теоретической основой которой выступали традиционные викторианские ценности (семья, любовь, религия, патриотизм, чувство долга, преданность, скромность, благородство, щедрость души и т.д.); сюжет, плотно погруженный в воспитательный процесс, в значительной степени касается тематики взросления и лишен ярких эпизодов сексуального характера и раскрепощенного поведения; основной акцент сделан на нравственном воспитании, на том, что культурное развитие было четко обусловлено нормами морали, которая в определенной мере притесняла права женщины как свободной личности; фильм метафорически отразил социально-нравственную борьбу (за личное счастье, любовь, истину, возможность определять самостоятельно жизненные установки, следовать своему желанию, свободно выражать свои мысли и т.д.); в этом контексте педагоги представлены строгими, щепетильными в линии поведения и соблюдении рамок приличий женскими образами.

Ключевые слова: герменевтический анализ, фильм, кинопроизведение, медиатекст, педагог, учащиеся.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: gorbatkova1987@bk.ru (О. Горбаткова)

Copyright © 2019 by Academic Publishing House *Researcher*

Published in the Russian Federation
European Researcher. Series A
Has been issued since 2010.
E-ISSN 2224-0136
2019, 10(2): 110-124

DOI: 10.13187/er.2019.2.110
www.erjournal.ru

Hermeneutic Analysis of German-Language Audiovisual Texts on School Theme (1945–2018)

Anastasia Levitskaya ^{a,*}, Lyudmila Seliverstova ^a

^aTaganrog Management and Economics Institute, Russian Federation

Abstract

The article is devoted to the analysis of German-language audiovisual media texts on school theme that were screened in Germany from the end of the Second World War to the present time by a method of comparative hermeneutic analysis. The analysis let find out that in the post-war period filmmakers sought to improve the social climate in society, to return to the pedagogical traditions of the Weimar Republic, to create a desired ideal image of student-teacher relationships, and tried to smooth the acute problems of the generation growing up in the post-war defeated Germany. An ideal teacher was portrayed as an adult that children can trust.

In the period of the divided Germany, films about school reflected sensitive social challenges: misunderstanding of generations (parents vs. children), the search for opportunities to atone for the Nazi past for crimes against humanity through their recognition and condemnation. In films, rebellious moods were shown both in relation to authoritarian pedagogy and hypocritical sexual morality.

Modern German cinema clearly communicates young people's mindset to search self, to identify one's place in life and society. Teachers are depicted as people above all, human beings with their personal worries and aspirations, experiencing moments of success and failure.

Keywords: hermeneutics, analysis, media text, media criticism, film, schoolchildren, media literacy, media education, Germany.

1. Введение

В современном мире глобальных информационных процессов кинематограф занимает особое место. На киноэкране отражаются доминирующие в обществе ценности и нормы. В ходе работы над фильмами кинематографисты преломляют общественные реалии через призму собственного восприятия и посредством художественных образов формируют сознание социума. Рассмотрение отдельных фильмов с точки зрения отражения и формирования в них образцов и моделей поведения, характерных для общества на определенном этапе его развития, позволяет получить некое представление о мироустройстве. Неделимость анализа киноискусства и мироустройства подчеркивают отечественные и зарубежные специалисты (Гожанская, 2006; Мкртычева, 2012; Mai, Winter, 2006). Кинофильмы всегда несут в себе отпечаток социальных конфликтов и противоречий (Mai, Winter, 2006: 106), благодаря этому ученые могут многое узнать о социальной и культурной

* Corresponding author

E-mail addresses: a.levitskaya@tmei.ru (A. Levitskaya), l.seliverstova@tmei.ru (L. Seliverstova)

жизни общества, значительная часть которой отведена образованию. В этой связи представляется интересным рассмотреть тему школы в немецкоязычных игровых фильмах.

2. Материалы и методы

Такой многогранный предмет как кино настраивает ученых на поиск комплексной теории, на использование при его анализе всего богатства теоретико-методологических подходов. В качестве основного метода настоящего исследования использован сравнительный герменевтический анализ немецкоязычных аудиовизуальных медиатекстов (1946–2018), касающихся данной тематики (включая: анализ стереотипов, идеологический анализ, идентификационный анализ, иконографический анализ и др.). В процессе анализа мы опирались на методологию А.В. Федорова (Федоров, 2007, 2013) и на такие ключевые аспекты медиаобразования как «медийные агентства» (media agencies), «категории медиа/медиатекстов» (media/media text categories), «медийные технологии» (media technologies), «языки медиа» (media languages), «медийные репрезентации» (media representations) и «медийная аудитория» (media audiences), так как все эти понятия имеют непосредственное отношение к герменевтическому анализу медиатекстов.

Материалом исследования послужили немецкоязычные аудиовизуальные медиатексты, а именно, игровые фильмы на школьную тематику послевоенной Германии, разделенной Германии и объединенной Германии. Предпринятая попытка далеко не первая. Так, Фридрих Кох методом качественного герменевтического анализа исследовал немецкие фильмы о школе, а именно, как в них отражены проблемы власти и подчинения в процессе воспитания и обучения (Koch, 1987). Специалисты в сфере медиа и литературоведы Фленсбургского университета Г. Хелмес и Г. Ринке анализировали современную картину школы и образ учителя в литературных произведениях и кинофильмах Федеративной республики (Helmes, Rinke, 2016).

3. Обсуждение

Игровые фильмы были условно разделены на три периода:

- фильмы послевоенной эпохи (1945–1960);
- фильмы периода «холодной войны» (разделенной Германии) (1961–1989);
- фильмы объединенной Германии (1990–2018).

После падения фашистской Германии производство, прокат и показ кинофильмов во всех зонах оккупации на территории страны был запрещен. Исключение было возможно только при наличии лицензии на данные виды деятельности, которую можно было получить в органах информационного контроля (Nachrichtenkontrollbehörde) при условии непричастности к НСДАП. Таким образом, практически все кинематографисты, работавшие в стране в период существования национал-социалистического режима, были лишены возможности трудиться в киноиндустрии, поскольку членство в партии было обязательным условием профессиональной деятельности в нацистской Германии.

Киноиндустрия в советской зоне оккупации и западных зонах развивалась самостоятельно. В Бабельсберге в советской зоне были сосредоточены основные мощности довоенного немецкого кинопроизводства, которое было национализировано и сосредоточено вокруг студии DEFA. В западной зоне был запущен процесс декартелизации, основной целью которого было создание нового, непропагандистского кино. Кинематографическими центрами стали Мюнхен и Гамбург (Brockmann, 2010: 186).

В послевоенные годы основной темой кинофильмов было осмысление катастрофы, постигшей Германию, и преодоление нацистского прошлого, что нашло отражение в так называемом «руинном кино» («Trümmerfilm»). В восточной зоне кинематографисты DEFA стремились отразить причины появления нацизма, а в западной зоне снимались фильмы, в первую очередь направленные в будущее, рисовавшие картины возрождения мирной жизни и не задававшие самых неудобных вопросов (Brockmann, 2010: 194–196). В западной зоне в послевоенный период снимались в основном фильмы в жанре так называемого «кино о Родине» («Heimatfilme»), воспевавшие жизнь, близкую к природе, дружбу и семейные ценности.

Об активном развитии киноиндустрии в послевоенной Германии говорить не приходится в силу объективных политических и экономических причин. Так, в британском журнале «Sight & Sound» Германия 1950-х была названа «кинематографической пустыней» (цит. по: [Watson, 1996: 29](#)). Тема учебы и обучения долгое время не поднималась ([Roschy, 2008](#)), однако, это не означает, что фильмов на школьную тематику не было вовсе. Послевоенная «общая тенденция стремления к восстановлению» ([Koch, 1987: 159](#)) выразилась в работе немецких кинематографистов над римейками фильмов о школе: «Учитель Уве Карстен из Хайде» / «Heideschulmeister Uwe Karsten» (1932/1954), «Взрослеющая молодежь» / «Reifende Jugend» (1931/1955), «Девушки в униформе» / «Mädchen in Uniform» (1931/1958) и др. Как отмечают специалисты, ни в одно другое десятилетие истории немецкого кино в целом не снималось так много ремейков, как в 1950-е годы ([Frank, 2017: 495](#)).

Фридрих Кох утверждает, что в эпоху канцлера К. Аденауэра разрыва с национал-социалистическим прошлым в кино так и не произошло. Многие фильмы послевоенного периода пропагандировали общественные отношения, характерные для авторитарного нацистского режима. В середине 1950-х на киноэкране вновь ожили истории, в которых культивировался авторитет вождя и рисовался образ «чистой» с точки зрения национал-социалистической доктрины молодежи. Речь идет об одноименном римейке (1955) кинофильма «Взрослеющая молодежь» (1931). При этом Ф. Кох дает невысокую оценку режиссерской работе У. Эрфурта, а произведение в целом считает сомнительным. Исследователь не скрывает недоумения относительно того, что фильм снят так, как будто ничего не произошло, и в Германии все осталось по-прежнему ([Koch, 1987: 157–161](#)).

Противоположной точки зрения придерживается Ш. Франк: «Уже начало фильма «Взрослеющая молодежь» указывает на то, что представляется послевоенное время. Широко обсуждается отношение учителей к молодежи и защитная педагогика, с одной стороны, а, с другой, вера в молодежь. Подробно разбирается конфликт поколений. «Капитан», авторитарный учитель истории в ленте 1933 года, в версии 1955 года становится чувствительным учителем греческого языка, который, однако, наказывает оплеухой строптивого ученика. Характеристики молодых людей переосмысливаются, им предстоит разрешить широкий спектр конфликтов, в том числе поднимается проблема сексуальности, связанная в новой версии фильма с молодежной и медиакультурой 1950-х» ([Frank, 2017: 19–20](#)).

Несмотря на расхождения во мнениях специалистов относительно репрезентаций общественных реалий, несомненен факт кардинальных изменений восприятия кинематографа зрителями, и в первую очередь - молодежью. По окончании войны молодые люди лишились веры в авторитеты, иллюзий относительно величия Третьего рейха, что не могло не выразиться в скептическом отношении ко всему, отчуждении в отношениях со старшим поколением. Молодежь Германии послевоенной эпохи социологи охарактеризовали как «поколение скептиков» ([Schelsky, 1957](#)). Скептицизм противоречив по своей природе, одних он побуждает к углубленному поиску истины, а других – к воинствующему невежеству и противоборству общественной морали.

Тема противоборствующей молодежи поднимается в трагикомедии Акселя фон Амбессера «Догматик» / «Paucker» (1958) с Х. Рюманном в главной роли. Как утверждают киноведы, несмотря на то, что Рюманн пользовался большой популярностью в нацистской Германии, в абсолютном большинстве картины с его участием «были свободны от пропагандистских концептов и ... посвящены классическим сюжетам – проблемам соотношения личности и общества, духовным исканиям, внутреннему миру «маленького человека», претерпевающего качественную идейно-мировоззренческую трансформацию ... под влиянием внешних обстоятельств, «вызовов времени», выступающих необходимым стимулом, приводящим к побуждению ранее неведомых самому носителю способностей и возможностей» ([Юдин, 2017: 27](#)). Проблема «маленького человека» положена в основу сюжета вышеупомянутого фильма «Догматик» ([Körner, 2001: 123](#)).

Учитель истории в средней школе небольшого провинциального городка Зайдель, способный «вышколить» любого самого слабого ученика, переезжает в большой город для работы в мужской гимназии и получает руководство в классе, ученики которого дерутся, курят, гоняют на мотоциклах, не признают никаких авторитетов. Вскоре Герман Зайдель убеждается в том, что его традиционные методы воспитания в отношении этих подростков

не действуют. Осознание того, что ученики «сильнее, выше и лучше» учителя, заставляет его самого меняться в попытках изменить подростков. Застав своего ученика за кражей, педагог дал парню взаймы деньги и помог устроиться на работу, тем самым показал, что деньги всегда можно заработать честным путем. Однако этот путь противоречил интересам главаря банды, хулигана Ледерманна, бросившего школу и выступавшего против любого существующего порядка. Учитель Зайдель вступил в борьбу за своего ученика Петера Клауса и поставил его перед выбором: членство в клубе избранных улицей или успешное окончание гимназии и возможность поступления в университет. Юноша сделал выбор в пользу педагога, за что последнему пришлось полатиться и ввязаться в драку. В драке Зайдель потерпел поражение, однако, в сражении за своего ученика и класс в целом одержал победу. Демонстративное неуважение со стороны гимназистов сменилось почитанием. Старомодный догматик и сверхстрогий моралист Зайдель, для которого важнейшими качествами ученика были дисциплинированность и послушание, а визитной карточкой класса – умение вставать и садиться, превратился в понимающего наставника – настоящего учителя. Ф. Кох приводит эту киноленту в качестве «образца персонализации социальных проблем», панацеей от которых стала выдающаяся личность педагога (Koch, 1989: 174).

Рис. 1. Кадр из фильма «Догматик» (1958)

Идеализируется образ учителя и в фильме «Летающий класс» / «Das fliegende Klassenzimmer» (1954) К. Хофманна. Учитель географии Берг, которого ученики, любя, называют Юстус, пользуется не только уважением, но и бесконечным доверием у ребят, учащихся мужской гимназии-интерната. Гимназисты – озорные, смешливые мальчишки лазают через стену, катаются на коньках, гоняют мяч в коридоре, шумят, дерутся. Однако следует отметить, это не жестокие драки, а скорее дуэль, выстроенная на принципах порядочности и достоинства: «с врунами не дерутся, их только презирают...». Взросление происходит в дружеской атмосфере, эмоционально и эстетически комфортной – учитель с улыбкой треплет мальчика по вихрам, присаживается на парту лицом к учащимся, сокращая тем самым дистанцию между собой и учениками, приветствует вопросы и активно участвует в спорах, желает им перед сном «спокойной ночи, негодники».

Рис. 2. Кадр из фильма «Летающий класс» (1954)

В тоже время медсестра обращается к гимназистам на Вы, подчеркнуто вежливо. Здание школы представляет собой уютное четырехэтажное строение с многоуровневой крышей с башенками. В классе парты стоят полукругом, на окнах цветы, камин, глобус, чучела животных в шкафу, на дверях узоры с завитушками. В процессе воспитания демонстрируются принципы так называемой «ненавязчивой» педагогики («unaufdringliche» Pädagogik), суть которой в том, чтобы сориентировать и поддержать учащегося, но не навязывать определенные модели мышления и поведения (Piroth, 2004: 295). В качестве наказания за нарушение порядка в гимназии мальчиков на час оставили после занятий, в течение которого учитель Юстус поведал им историю о настоящей дружбе и о себе – трудолюбивом мальчишке, решившем «стать учителем в этой школе, чтобы другим мальчишкам было с кем делиться тем, что для них важно». В этом фильме, как и в ряде других, главное качество педагога - умение заслужить доверие детей (к этому стремятся классная дама фон Бернбург в фильме «Девушки в униформе» (1958), и учитель физики и математики Ханна Буркхардт в картине «Каждый раз с началом дня» / «Immer wenn der Tag beginnt» (1957).

Начало 1960-х ознаменовало рождение так называемого «Нового немецкого кино» («Der Neue deutsche Film»), авторами которого были режиссеры, родившиеся в годы войны и прошедшие этапы взросления в разделенной Германии. Эти кинематографисты стремились уйти от развлекательного кино к созданию остросоциального, вскрывающего проблемы современного на тот период времени германского общества. Так, в фильме «Молодой Тёрлесс» / «Der junge Törless» (1966) режиссер Ф. Шлендорф ищет ответ на вопрос, является ли пассивный наблюдатель соучастником преступления? Экранизация романа Р. Музиля о садистских увлечениях воспитанников элитной школы напоминала аудитории о недавнем нацистском прошлом (Knight, 2007: 6). Главный герой картины Томас Тёрлесс, воспитанник закрытой школы для мальчиков, знал о том, что его одноклассники жестоко издеваются над Базини, пойманным на краже, но ничего не предпринял, чтобы тому воспрепятствовать. Мало того, он с интересом наблюдал за происходящим и вел записи своих наблюдений, проводил «исследование», задаваясь вопросом «что происходит, когда кого-то мучают и унижают». Жертва же добровольно принимала унижения и издевательства. Автор фильма акцентирует внимание на «психологических и групповых динамических процессах, а также связывает характерные реалии с тоталитарными общественными формами» (Wunderlich). Истоки нацизма Ф. Шлендорф видел в природе детского насилия поколения детей начала XX века.

Отношение к «Новому немецкому кино» в период его расцвета, в том числе и на школьную тематику, было неоднозначным. Одни подчеркивали его особую значимость (Сумароков, 2017), другие обвиняли, например, П. Лиликтеля, автора фильма «Завуч

Хофер» / «Hauptlehrer Hofer» (1975), в подмене реализма бесчувственностью, точности – излишней детализацией, характеризовали работы Ф. Шлендорфа и др. как «безнадёжно посредственное, самодовольное зомби-кино» (Blumenberg, 1975). Через шесть лет Х.-К. Блюменберг написал о режиссерах-представителях немецкого авторского кино, что ему «нравятся свобода и наглость одиночек в фильме «На такси до туалета» / «Im Taxi zum Klo» (1980) ... и заумном детективе «Отстранённый от дел» / «Kaltgestellt» (1980)» (Блюменберг, 1981).

В чем угодно, но только не в посредственности и отсутствии темперамента, можно обвинить фильм П. Цадека «Я слон, мадам» / «Ich bin ein Elefant, Madame» (1969), действие которого происходит в конце 1960-х в Бременской школе, где выпускники пытаются противостоять учителям и в их лице – авторитарной педагогике. Этот фильм – не обычная экранизация романа, в нем смешиваются документальные и игровые элементы, показан мятеж детей против учителей как метафора борьбы культур. Режиссер демонстрирует конфликт поколений, в котором забытая в прошлом Германия препятствует стремлению молодежи к свободе и прогрессу (Graff, 2010).

Тема возможности и оправданности «господства одних людей над другими» красной нитью проходит сквозь историю немецкого кино всех периодов, начиная с послевоенного, и не оставляет умы современных кинематографистов. В фильме «Волна» / «Die Welle» (2008) Д. Гензеля немецкие школьники обсуждают социальные условия, ведущие к тоталитаризму, и задаются вопросом: возможна ли в Германии диктатура? Будучи абсолютно уверенными в том, что «диктатура в Германии больше не возможна, мы для этого слишком умные», школьники добровольно становятся участниками эксперимента, в результате которого получают однозначный положительный ответ: да, возможна. Главный герой фильма – учитель физкультуры Венгер, пользующийся доверием и уважением со стороны гимназистов, очень демократичный, позволяющий обращаться к себе на «ты», в черной рокерской футболке, с татуировкой и коротко стриженный – своего рода антипод стереотипному представлению об учителе, затянутом в костюм и галстук. В течение нескольких дней учитель Венгер с помощью «фашистских штучек» заполнил «вакуум в жизни подростков» (Probst, 2008) – удовлетворил их потребность быть частью определенного общества, где тебя принимают таким, какой ты есть, и оказывают поддержку. Первым делом Венгер предложил себя в качестве лидера и обозначил свою главенствующую роль тем, что члены группы должны были к нему обращаться «господин Венгер». Далее претворил в жизнь принцип «власть через дисциплину», четко обозначив правила игры, кто их не соблюдает, должен уйти. Нет места инакомыслию. Затем он рассадил слабых по успеваемости школьников с более сильными и предложил всем переодеться в одинаковые белые майки. Униформа нивелирует социальные различия и индивидуальность, помогает определить «своих» среди «прочих». Дополнив все это общей символикой и приветствием, шаг за шагом учитель создал свое тоталитарное общество. Жертв избежать не удалось, ими стали сам заигравшийся учитель, фанатично преданный своему господину Венгеру гимназист и застреленный им одноклассник. В одном из заключительных кадров крупным планом показано лицо учителя – лицо всей Германии, вдруг очнувшейся от осознания ужаса совершенного в годы войны. Устами одного из героев – подростка турецкого происхождения – зрителю доносится еще одна очень важная мысль о том, что нельзя жить лишь осознанием вины, что нужно «позволить немцам гордиться своей страной, в противном случае это вернется бумерангом, и они возненавидят других». Этот фильм показывает стремление немецких кинематографистов еще раз осмыслить причины и последствия национальной трагедии.

Рис. 3. Кадр из фильма «Волна» (2008)

Фильм «Волна» (2008) вошел в 25 лучших фильмов о школе согласно рейтингу немецкого молодежного журнала UNICUM (abi.unicum.de) наравне с картинами «Огненные клещи» / «Feuerzangenbowle» (1944, 1970); «Летающий класс» (1954, 1973, 2003); «Доброе утро, господин Гроте» / «Guten Morgen, Herr Grote» (2007); «Йонас» / «Jonas» (2012) и «Зачетный препод» / «Fack ju Göthe» (2013, 2015 и 2017). Особую популярность среди телезрителей приобрели сериалы «Наш учитель доктор Шпехт» / «Unser Lehrer Doktor Specht» (1990) на канале ZDF и «Учитель» / «Der Lehrer» (2012) на канале RTL.

Главный герой фильма Л. Крауме «Доброе утро, господин Гроте» (2007) – 37-летний Михаэль Гроте, учитель немецкого языка обычной берлинской гимназии – предан своей профессии, работа и проблемы школьников занимают все его время, в связи с этим не складывается личная жизнь. Он не оставляет попытки помочь своему ученику Нико, фрустрированному агрессивному подростку, в то время как остальные коллеги давно перевели его в разряд необучаемых. Нико не единственный сложный ученик класса, многие из ребят живут в социально неблагополучных семьях, в семьях мигрантов из других стран и пр. Учитель Гроте – противоречивый персонаж, предъявляющий по отношению к себе как педагогу чрезмерно высокие требования и в тоже время безответственный отец. Он все силы отдает ученику Нико, а собственный сын в это время воспитывается в его отсутствие. Картина была удостоена премии А. Гримма (2008) и была высоко оценена жюри: «Фильм не дает несбыточных надежд, но в тоже время не анонсирует полную безнадежность немецкой системы школьного образования» ([Grimme 2008](#)).

Рис. 4. Кадр из фильма «Доброе утро, господин Гротте» (2007)

Если в фильме Л. Крауме учитель Гротте в жертву профессии принес свою личную жизнь, то в драме Т. Трагезера «Учительница» / «Lehrerin» (2011) жертвой вооруженной агрессии школьника стала молодая учительница Катя Шлепер, получившая тяжелое ранение, а с ней вместе тяжелую психологическую травму получили 25 учеников ее класса и педагогический коллектив школы. Класс Кати берет под руководство ее подруга, учитель биологии Андреа Либнитц, которая пытается помочь детям справиться с непростой жизненной ситуацией. В день трагедии Андреа собиралась подать заявление об увольнении и поставить точку в своей педагогической карьере, однако, выгорев за 13 лет работы в школе, героиня фильма как Феникс возродилась в профессии и вместе с учениками класса вернулась к нормальной жизни.

В роли жертвы представлен учитель и в картине Грегора Шнитцлера «Инстинкт игрока» / «Spieltrieb» (2013). Главные герои фильма 15-летняя Ада и совершеннолетний Алев затевают игру «Познай самого себя» с учителем физкультуры и немецкого языка Смутеком. Манипулятор и интриган Алев подбивает интеллектуально очень одаренную и от того одинокую одноклассницу соблазнить учителя с целью шантажа. Подросткам не нужен шантаж ради шантажа, они хотят «освободить» учителя и «сделать его счастливым», «дать ему шанс освободиться от оков старой жизни или окончательно ее разрушить». Игра выходит из под контроля, и все ее участники оказываются в зале суда. Автор фильма в своей картине размышляет над весьма актуальным в современном мире вопросом о том, можно ли «навязать» свободу вопреки желанию.

В числе немецких фильмов на школьную тематику, представляющих интерес, следует отметить также работы «Конференция» / «Die Konferenz» (2004) Н. Штейн и «Фрау Мюллер должна уйти» / «Frau Müller muss weg» (2015) З. Вортманна. В обеих картинах место действия - замкнутое пространство школы. В фильме Н. Штейн в зале школьной библиотеки холодным зимним вечером собираются девять педагогов, чтобы решить судьбу Виктора Лейзена, обвиняемого в попытке изнасилования 17-летней одноклассницы. Вскоре с основного предмета обсуждения учителя переключаются на собственные разногласия. Автор фильма ставит вопрос о том, что общество неоправданно ожидает от учителей решения тех проблем, которые не может решить самостоятельно дома, в семье (Kegel, 2005).

Тем же вопросом задается автор фильма «Фрау Мюллер должна уйти» (2015), где родители «сложных» детей младших классов приходят в школу с единственным намерением - убедить учителя отдать класс другому педагогу, и они абсолютно уверены, что это и есть единственно правильное решение их проблем. Отношение к школе как сфере

услуг четко просматривается в реплике педагога: «Я служащая на службе обществу, но не облуга». В финале сюжета родители кардинально меняют свое мнение и уговаривают Мюллер оставить классное руководство за собой. Получив «вотум доверия своему педагогическому опыту и мастерству», учительница дает согласие, а родители получают импульс к осознанию имеющихся проблем и возможность их решения.

Рис. 5. Кадр из фильма «Фрау Мюллер должна уйти» (2015)

В ходе исследований современных медиатекстов Г. Хелмес пришел к выводу, что теле/кинофильмы о школе обречены на успех (Helmes, Rinke, 2016). Подтверждением тому может служить коммерческий успех картины Б. Дагтекина «Зачетный препод», ставшей лидером проката 2013 года в Германии. Фильм был неоднозначно оценен критиками, однако, среди положительных моментов было отмечено успешное решение режиссера перенести на экран немецкий молодежный язык, в точности воспроизвести сленг и манеры речи современных немецких подростков (Uslar, 2013). Комедийный сюжет нашел продолжение в одноименных фильмах 2015 и 2018 годов, но, по оценкам критиков, каждая последующая версия была хуже предыдущей.

4. Результаты

Исторический контекст (доминирующие понятия: «медийные агентства», «категории медиа/медиатекстов», «медийные репрезентации» и «медийные аудитории»). а) особенности исторического периода создания медиатекстов, условия рынка, которые способствовали замыслу, процессу создания медиатекстов, степень влияния событий того времени на медиатексты.

После второй мировой войны главные мощности довоенного кинопроизводства сосредоточились в советской зоне оккупации – студия УФА в Бабельсберге. В западной зоне центрами кинопроизводства стали Мюнхен и Гамбург. В мае 1946 года в Потсдаме была учреждена киностудия ДЕФА. В западной зоне союзники проводили политику декартелизации. К середине 1950-х кампании УФА и Бавария контролировали около 60 % студийных мощностей. В 1960-е изменился подход к финансированию киноиндустрии, были разработаны закон (Filmförderungsgesetz) и соответствующие программы поддержки национального кинематографа, в том числе начинающих режиссеров (Kuratorium junger deutscher Film), создан фонд поддержки кино (Filmförderungsanstalt).

Расцвет «нового кино» в Германии пришелся на 1970-е годы, новый толчок развитию кино придало сотрудничество с телевидением, а именно, инвестирование телекомпаний в кинопроизводство. Международную популярность немецкое кино получило в конце 1990-х с выходом в свет «Беги, Лола, беги» Т. Тыквера, и с тех пор занимает почетное место среди других кинематографий мира.

б) как знание реальных исторических событий конкретного периода помогает пониманию данных медиатекстов, примеры исторических ссылок в данных медиатекстах.

Осведомленность в части исторических событий рассматриваемого периода безусловно помогает понять отсыл автора кинофильма к историческим и культурным реалиям.

Так, в фильме «Я слон, мадам» (1969) отдельные сцены четко соотносятся с протестным движением школьников против повышения транспортных тарифов в Бремене в январе 1968 года. Подростки сели на трамвайные рельсы и заблокировали движение транспорта, инициатива школьников была поддержана профсоюзными организациями крупных предприятий города. Правительство земли Бремен было вынуждено пойти на уступки и снизить тарифы. Тогда в городе еще не было университета, и школьники стали ведущей силой внепарламентской оппозиции. В фильме, обращаясь к правящим кругам города, учитель немецкого языка Г. Немитц анализирует причины протеста: «Под Вашим руководством, дамы и господа, не хватает школ, не хватает учителей, ... не хватает любви... Предметом недовольства детей являются отнюдь не цены на трамвайные билеты. Дети предметом протеста выбрали деньги только потому, что это единственный понятный Вам язык».

Рис. 6. Кадр из документальной хроники

Рис.7. Кадр из фильма «Я слон, мадам» (1969)

2. Социокультурный, идеологический, мировоззренческий, религиозный контекст (доминирующие понятия: «медийные агентства», «категории медиа/медиатекстов», «медийные репрезентации» и «медийная аудитория»).

а) идеология, направления, цели, задачи, мировоззрение, концепции авторов данных медиатекстов в социокультурном контексте; идеология, культура мира, изображенного в медиатекстах.

Фильмы послевоенного периода строились на кинематографических традициях Веймарской республики. Сюжеты кинофильмов о школе периода Нового немецкого кино обусловило протестное движение школьников и студентов 1960-х, сложившееся во многом под влиянием Франкфуртской философской школы. Движение в целом было направлено против любых форм авторитаризма, осуждало приход к власти в ФРГ «поколения палачей», боролось с лицемерной сексуальной моралью 1950-х. Современный немецкий кинематограф транслирует четкую установку молодежи на поиск себя, своего места в жизни и обществе.

б) мировоззрение персонажей «школьного и студенческого мира», изображенного в медиатекстах

В послевоенных фильмах о школе демонстрировались картины идеальных взаимоотношений педагогов и учащихся, построенных на взаимном уважении. «Я у них многому научился...» – признает учитель Зайдель в фильме «Догматик» (1958). В конце

фильма школьники как один вытягиваются в струнку, приветствуя учителя и тем самым выражая глубокое искреннее уважение и признание авторитета.

В игровых фильмах Нового немецкого кино напротив показано противостояние, абсолютное неприятие, а то и открытый протест школьников в отношении учителей и школьной системы. Главный герой – зачастую равнодушный циничный наблюдатель (Тёрлесс в «Молодой Тёрлесс», 1966) или провокатор (Рул в «Я слон, мадам», 1969), которые противопоставляют себя общей массе сверстников-гимназистов и педагогов, обществу в целом.

В современном кино поднимается проблема не нужных, ни учителям ни родителям детей, живущих без цели и идеологии, в отсутствие морали и ценностей («Волна», 2008; «Зачетный препод», 2013, 2015, 2017). У молодежи нет особого пиетета перед старшим поколением, подростки общаются с учителями свободно, на равных. «Продвинутые» учителя позволяют обращаться к себе на «ты» («Волна», 2008; «Учительница», 2011).

3. Структура и приемы повествования в данных медиатекстах (доминирующие понятия: «категории медиа/медиатекстов», «медийные технологии», «языки медиа», «медийные репрезентации»)

В течение рассматриваемого периода кинематограф шагнул от черно-белого к цветному кино. Схематично структуру, сюжет, репрезентативность, этику, особенности жанровой модификации, иконографии, характеры персонажей медиатекстов школьной тематики в кинематографе рассматриваемого периода с 1945 по 2018 годы можно представить так:

a) место и время действия медиатекстов

С 1960 года на смену закрытым мужским и женским гимназиям («Догматик» 1958; «Летающий класс» 1954; «Взрослеющая молодежь» (1931/1955); «Девушки в униформе» (1931/1958); «Молодой Тёрлесс», 1966) пришли единые школы в ГДР и интегрированные общие школы в ФРГ. В современной Германии по составу учащихся школы общие, обеспечены качественным оборудованием и предоставляют широкие возможности для занятий спортом.

b) характерная для данных медиатекстов обстановка, предметы быта:

Послевоенный период – классные комнаты обставлены аскетично, ничего лишнего: школьные скамьи, на возвышении учительский стол, доска, атрибуты учебного процесса: глобус, карты и пр. С течением времени и до наших дней мало, что изменилось: длинные однотонные школьные коридоры казенных образовательных учреждений, все те же непримечательные аудитории, разве что, учительский стол располагается на одном уровне с ученическими партами.

c) Жанровые модификации школьно-вузовской тематики:

Тема школы в немецком кинематографе в период с 1945 по 2018 годы представлена в полном разнообразии жанров: драма («Я слон, мадам», 1969; «Волна», 2008; «Учительница», 2011), трагикомедия («Догматик», 1958; «Такси до туалета», 1980), триллер («Отстранённый от дел», 1980), комедия («Огненные клещи», 1970; «Йонас», 2012; «Зачетный препод», 2013, 2015 и 2017).

d) (стереотипные) приемы изображения действительности, типология персонажей (черты характера, одежда, телосложение, лексика, мимика, жесты персонажей, присутствие или отсутствие стереотипной манеры репрезентации персонажей в данных медиатекстах).

Можно выделить несколько типичных образов учителя в кинолентах послевоенного периода. Учитель-наставник, уважаемый учениками, понимающий, мудрый, прозорливый – директор гимназии Бродерзен в фильме «Взрослеющая молодежь» (1955), Юстутс в «Летающем классе» (1954). Учитель – «маленький человек», способный мало по малу, шаг за шагом спровоцировать серьезные изменения в обществе, например, Зайдель – невысокий, худощавый, внешне ранимый и миролюбивый (костюм, галстук, очки, шляпа, трость) в «Догматике» (1958) или Йоахим Хофер в «Завуче Хофере» (1975).

Во времена разделенной Германии на смену догматикам пришли такие карикатурные персонажи, как учителя Грей и Бёммель, а также директор гимназии Кнауер в «Огненных клещах» (1970). Помимо «правильного» учителя (Браш в фильме «Отстранённый от дел»,

1980) появился любимый учащимися учитель с нетрадиционной ориентацией (Франк в «Такси до туалета», 1980).

В современном кинематографе объединенной Германии сформировался комедийный тип учителя-друга, сотоварища (Зеки Мюллер в «Зачетном препода», 2013, 2015, 2017). В драмах учителя – это зачастую одинокие люди с неудавшейся личной жизнью, не умеющие сочетать семью и работу и отдающие предпочтение последней в силу личных убеждений (Штефан Фольмер в «Учителе», 2012) или сложившихся обстоятельств (Андреа Либнитц в «Учительнице», 2011).

f) существенное изменение в жизни персонажей медиатекстов и возникшая проблема (нарушение привычной жизни):

В кинолентах послевоенного периода ставилась проблема выбора между «уличной романтикой» и «получением образования» («Догматик», 1958). Учитель дает шанс исправиться ученику, сделавшему однажды неправильный выбор («Грязный ангел» / «Der schmutzige Engel», 1958). Режиссеры кинофильмов эпохи Нового немецкого кино обозначили стремление молодежи противопоставить себя социуму и в качестве решения проблемы предлагали вариант, когда общество «выдавливает» тех, кто не хочет в него интегрироваться как, например, гимназисты Тёрлесс и Рул, которых исключают из гимназии. В современном кино школьники предпринимают попытки преобразовать социальное пространство вокруг себя: изменить свое бытие («Волна», 2008), жизнь других людей («Инстинкт игрока», 2013). Эти попытки зачастую оборачиваются трагедией.

5. Заключение

Кинематограф на тему школы в послевоенный период можно охарактеризовать как инструмент улучшения социального климата в обществе, поскольку возврат к педагогическим традициям Веймарской республики выглядит как попытка создания желаемого идеального образа взаимоотношений ученика и учителя, попытка сгладить острые проблемы подрастающего в послевоенной побежденной Германии поколения. Идеальный педагог – это взрослый, которому дети могут доверять.

В период разделенной Германии фильмы о школе отражают острые социальные проблемы. Проблемы непонимания поколений отцов и детей, поиск возможностей рассчитаться с нацистским прошлым за преступления против человечества путем их осознания и осуждения. В кино демонстрируются мятежные настроения – как в отношении авторитарной педагогики, так и лицемерному отношению к сексуальной морали.

В современных фильмах учителя – прежде всего люди, обыватели, со своими личными заботами и чаяниями, переживающие моменты успеха и неудач.

6. Благодарности

Статья написана в рамках исследования при финансовой поддержке гранта Российского научного фонда (РНФ). Проект № 17-18-01001 «Школа и вуз в зеркале советских, российских и западных аудиовизуальных медиатекстов», выполняемый в Ростовском государственном экономическом университете.

Литература

Блюменберг, 1981 – Блюменберг Х.К. В долине мертвых глаз. Заметки к новым фильмам из Германии // *Cineticle. Интернет-журнал об авторском кино*. № 24. [Электронный ресурс]. URL: <http://cineticle.com/texts/1631-hans-christoph-blumenberg-new-german-cinema.html> (дата обращения: 05.06.2018).

Гожанская, 2006 – Гожанская И.В. Кино как объект культурологического исследования: Автореф. дисс. ... канд. культур.. Саратов, 2006. 166 с.

Мкртычева, 2012 – Мкртычева М.С. Кино как объект социологического изучения: возможности и перспективы // *Теория и практика общественного развития*. 2012. № 12 [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kino-kak-predmet-sotsiologicheskogo-izucheniya-vozmozhnosti-i-perspektivy> (дата обращения: 05.06.2018).

Сумароков, 2017 – Сумароков А. Новое немецкое кино: точка эмпатии // *Postcriticism*. 27 декабря 2017. [Электронный ресурс]. URL: <http://postcriticism.ru/terra-incognita-novoe-nemetskoe-kino/> (дата обращения: 05.06.2018).

Федоров, 2007 – Федоров А.В. Герменевтический анализ на медиаобразовательных занятиях в студенческой аудитории // *Инновационные образовательные технологии*. 2007. № 3 (11). С. 56-72.

Федоров, 2013 – Федоров А.В. «Маленький школьный оркестр»: опыт герменевтического анализа медиатекста на занятиях в студенческой аудитории // *Медиаобразование*. 2013. № 3. С. 48-58.

Юдин, 2017 – Юдин К.А. Х. Рюманн и Г. Фрёбе – классики немецкого кинематографа XX в. // *Вестник Ивановского государственного университета*. Серия: гуманитарные науки. 2017. Вып. 4. История. С. 25-37.

Blumenberg, 1975 – Blumenberg, H.C. Politik der kleinen Spuren // *Die Zeit*. № 13/1975 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.zeit.de/1975/13/politik-der-kleinen-spuren> (дата обращения: 05.06.2018).

Brockmann, 2010 – Brockmann, S.A. Critical History of German Film. Camden House, 2010. 522 p.

Frank, 2017 – Frank, S.M. Wiedersehen im Wirtschaftswunder: Remakes von Filmen aus der Zeit des Nationalsozialismus in der Bundesrepublik 1949–1963. V&R unipress GmbH, Göttingen, 2017. 451 p.

Graff, 2010 – Graff, B. Er war ein Elefant, Madame // *Süddeutsche Zeitung*. 17. Mai 2010. [Electronic resource]. URL: <http://www.sueddeutsche.de/kultur/zum-tod-von-peter-zadek-er-war-ein-elefant-madame-1.159038> (дата обращения: 05.06.2018).

Grimme, 2008 – Grimme 2008. Preispublikation Grimme-Preis. Guten Morgen, Herr Grote (ARD/WDR). [Electronic resource]. URL: <http://www.grimme-preis.de/archiv/2008/preistraeger/p/d/guten-morgen-herr-grothe-ardwdr/> (дата обращения: 05.06.2018).

Helmes, 2016 – Helmes, G., Rinke, G. Gescheit, gescheiter, gescheitert? Das zeitgenössische Bild von Schule und Lehrern in Literatur und Medien. Igel Verlag, Hamburg. 288 p.

Kegel, 2005 – Kegel, Sa. Die neun Geschworenen. / *Frankfurter Allgemeine*. 4. Februar 2005. [Electronic resource]. URL: <http://www.faz.net/aktuell/feuilleton/kino/fernsehen-die-neun-geschworenen-1214317.html> (дата обращения: 05.06.2018).

Knight, 2007 – Knight, J. New German Cinema // Introduction to Film Studies / Nelmes, J., Mensch, A.. Routledge, 2007. 512 p.

Koch, 1987 – Koch, F. Schule im Kino: Autorität und Erziehung. Vom “Blauen Engel” bis zur “Feuerzangenbowle”. Weinheim; Basel: Beltz, 1987. 240 p.

Körner, 2001 – Körner, T. Der kleine Mann als Star: Heinz Rühmann und seine Filme der 50er Jahre. Campus Verlag, Frankfurt/Main, 2001. 424 p.

Mai, 2006 – Mai M., Winter R. Kino, Gesellschaft und soziale Wirklichkeit: Zum Verhältnis von Soziologie und Film // Das Kino der Gesellschaft – die Gesellschaft des Kino. Interdisziplinäre Positionen, Analysen und Zugänge / Hrsg. von M. Mai, R. Winter. Köln, 2006. pp. 7–23.

Piroth, 2004 – Piroth, N. Gemeindepädagogische Möglichkeitsräume biographischen Lernens. LIT Verlag, Münster, 2004. 331 p.

Probst, 2008 – Probst, M. Macht durch Handeln! / *Die Zeit*. 13. März 2008. № 12 <https://www.zeit.de/2008/12/Film-Die-Welle> (дата обращения: 05.06.2018).

Roschy, 2008 – Roschy, Bt. Schule, Lehren und Lernen im Film. 2008 https://www.kinofenster.de/filme/film-des-monats/schule_lehren_und_lernen_im_film/ (дата обращения: 05.06.2018).

Schelsky, 1957 – Schelsky, H. Die skeptische Generation. Eine Soziologie der deutschen Jugend. Eugen Diederichs Verlag: Düsseldorf/Köln, 1957. 523 p.

Uslar, 2013 – Uslar, M. Geisterkrank! / *Die Zeit*. 5. Dezember 2013. № 50 <https://www.zeit.de/2013/50/teenagerkomoedie-fack-ju-goethe-sprachkritik> (дата обращения: 05.06.2018).

Watson, 1996 – Watson, W.S. Understanding Rainer Werner Fassbinder: Film as Private and Public Art. University of South Carolina Press, 1996. 341 p.

Wunderlich, 2009 – Wunderlich, D. Folker Schlöndorff. Der junge Törless. / *Buchtipps & Filmtipps* [Electronic resource]. URL: http://www.dieterwunderlich.de/Schloendorff_Toerless.htm#kritik (дата обращения: 05.06.2018).

References

Blumenberg, 1975 – Blumenberg, H.C. (1975). Politik der kleinen Spuren // *Die Zeit*. № 13/1975. [Electronic resource]. URL: <https://www.zeit.de/1975/13/politik-der-kleinen-spuren> (accessed: 05.06.2018).

Blumenberg, 1981 – Blumenberg H.K. (1981). V doline mertvyh glaz. Zametki k novim filmam iz Germanii [In the valley of dead eyes. Notes to new films from Germany]. *Cineticle*. № 24. [Electronic resource]. URL: <http://cineticle.com/texts/1631-hans-christoph-blumenberg-new-german-cinema.html> (accessed: 05.06.2018). [in Russian]

Brockmann, 2010 – Brockmann, S.A. (2010). Critical History of German Film. Camden House, 522 p.

Fedorov, 2007 – Fedorov A.V. (2007). Germenevticheski analysis na mediaobrazovatelnyh zanyatiyah v studencheskoi auditorii [Hermeneutic analysis in media education classes for university students]. *Innovazionnye obrazovatelye tehnologii*, № 3 (11). pp. 56-72. [in Russian]

Fedorov, 2013 – Fedorov A.V. (2013). "Malenki shkolny orkestr": opit germenevticheskogo analiza mediateksta na zanyatiyah v studencheskoi auditorii ["Little School Orchestra": a hermeneutic analysis of the media text by university students] *Mediaobrazovanie*. № 3. pp. 48-58. [in Russian]

Frank, 2017 – Frank, S.M. (2017). Wiedersehen im Wirtschaftswunder: Remakes von Filmen aus der Zeit des Nationalsozialismus in der Bundesrepublik 1949–1963. V&R unipress GmbH, Göttingen, 451 p.

Gozhanskaya, 2006 – Gozhanskaya I.V. (2006). Kino kak objekt kulturologicheskogo issledovaniya [Film as an object of cultural studies]. Author's abstract of Ph.D. dissertation. Saratov, 166 p. [in Russian]

Graff, 2010 – Graff, B. (2010). Er war ein Elefant, Madame // *Süddeutsche Zeitung*. 17. Mai 2010. [Electronic resource]. URL: <http://www.sueddeutsche.de/kultur/zum-tod-von-peter-zadek-er-war-ein-elefant-madame-1.159038> (accessed: 05.06.2018).

Grimme, 2008 – Grimme 2008. Preispublikation Grimme-Preis. Guten Morgen, Herr Grote (ARD/WDR). [Electronic resource]. URL: <http://www.grimme-preis.de/archiv/2008/preistraeger/p/d/guten-morgen-herr-grothe-ardwdr/> (accessed: 05.06.2018).

Helmes, 2016 – Helmes, G., Rinke, G. (2016). Gescheit, gescheiter, gescheitert? Das zeitgenössische Bild von Schule und Lehrern in Literatur und Medien. Igel Verlag, Hamburg. 288 p.

Kegel, 2005 – Kegel, Sa. (2005). Die neun Geschworenen. / *Frankfurter Allgemeine*. 4. Februar 2005. [Electronic resource]. URL: <http://www.faz.net/aktuell/feuilleton/kino/fernsehen-die-neun-geschworenen-1214317.html> (accessed: 05.06.2018).

Knight, 2007 – Knight, J. (2007). New German Cinema // Introduction to Film Studies / Nelmes, J., Mensch, A. Routledge, 2007. 512 p.

Koch, 1987 – Koch, F. (1987). Schule im Kino: Autorität und Erziehung. Vom "Blauen Engel" bis zur "Feuerzangenbowle". Weinheim; Basel: Beltz, 1987. 240 p.

Körner, 2001 – Körner, T. (2001). Der kleine Mann als Star: Heinz Rühmann und seine Filme der 50er Jahre. Campus Verlag, Frankfurt/Main, 2001. 424 p.

Mai, 2006 – Mai M., Winter R. (2006). Kino, Gesellschaft und soziale Wirklichkeit: Zum Verhältnis von Soziologie und Film // *Das Kino der Gesellschaft – die Gesellschaft des Kino. Interdisziplinäre Positionen, Analysen und Zugänge* / Hrsg. von M. Mai, R. Winter. Köln, 2006. pp. 7-23.

Mkrtycheva, 2012 – Mkrtycheva M.S. (2012). Kino kak predmet sotsiologicheskogo izucheniya: vozmozhnosti i perspektivy [Film as an object of social studies: ways and prospects *Teoria i praktika obschestvennogo razvitiya*. № 12. [Electronic resource]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kino-kak-predmet-sotsiologicheskogo-izucheniya-vozmozhnosti-i-perspektivy> (accessed: 05.06.2018). [in Russian]

Piroth, 2004 – Piroth, N. (2004). Gemeindepädagogische Möglichkeitsräume biographischen Lernens. LIT Verlag, Münster, 2004. 331 p.

Probst, 2008 – *Probst, M.* (2008). Macht durch Handeln! / *Die Zeit*. 13. März 2008. № 12 [Electronic resource]. URL: <https://www.zeit.de/2008/12/Film-Die-Welle> (accessed: 05.06.2018).

Roschy, 2008 – *Roschy, Bt.* (2008). Schule, Lehren und Lernen im Film. 2008 [Electronic resource]. URL: https://www.kinofenster.de/filme/filmdesmonats/schule_lehren_und_lernen_im_film/ (accessed: 05.06.2018).

Schelsky, 1957– *Schelsky, H.* (1957). Die skeptische Generation. Eine Soziologie der deutschen Jugend. Eugen Diederichs Verlag: Düsseldorf/Köln, 523 p.

Sumarokov, 2017– *Sumarokov A.* (2017). Novoe nemetskoe kino: tochka empatii [New German film: point of empathy] *Postcriticism*. [Electronic resource]. URL: <http://postcriticism.ru/terra-incognita-novoe-nemetskoe-kino/> (accessed: 05.06.2018). [in Russian]

Uslar, 2013 – *Uslar, M.* (2013). Geisterkranker! / *Die Zeit*. 5. Dezember 2013. № 50 [Electronic resource]. URL: <https://www.zeit.de/2013/50/teenagerkomoedie-fack-ju-goehte-sprachkritik> (accessed: 05.06.2018).

Watson, 1996 – *Watson, W.S.* (1996). Understanding Rainer Werner Fassbinder: Film as Private and Public Art. University of South Carolina Press, 1996. 341 p.

Wunderlich, 2009 – *Wunderlich, D.* (2009). Folker Schlöndorff. Der junge Törless. / Buchtipps & Filmtipps [Electronic resource]. URL: http://www.dieterwunderlich.de/Schloendorff_Toerless.htm#kritik (accessed: 05.06.2018).

Yudin, 2017 – *Yudin K.A.* (2017). H.Rühmann i G.Fröbe – klassiki nemezkogo kinematografa XX v. [H. Rühmann and Karl Gerhart "Gert" Fröbe – the classics of German cinema]. *Vestnik Ivanovkogo gosudarstvennogo universiteta*. Is. 4. pp. 25-37. [in Russian]

Герменевтический анализ немецкоязычных аудиовизуальных текстов на тему школы (1945–2018)

Анастасия Левицкая^{a, *}, Людмила Селиверстова^a

^a Таганрогский институт управления и экономики, Российская Федерация

Аннотация. Статья посвящена анализу немецкоязычных аудиовизуальных медиатекстов на школьную тематику, вышедших на экран в Германии в период с окончания второй мировой войны до настоящего времени методом сравнительного герменевтического анализа. В ходе анализа удалось выяснить, что в послевоенный период кинематографисты стремились улучшить социальный климат в обществе, вернуться к педагогическим традициям Веймарской республики, создать желаемый идеальный образ взаимоотношений ученика и учителя, пытались сгладить острые проблемы подрастающего в послевоенной побежденной Германии поколения. В роли идеального педагога рисовался взрослый, которому дети могут доверять.

В период разделенной Германии фильмы о школе отражали острые социальные проблемы: проблемы непонимания поколений отцов и детей, поиск возможностей рассчитаться с нацистским прошлым за преступления против человечества путем их осознания и осуждения. В кино демонстрировались мятежные настроения как по отношению к авторитарной педагогике, так и лицемерной сексуальной морали.

Современный немецкий кинематограф транслирует четкую установку молодежи на поиск себя, своего места в жизни и обществе. Учителя – прежде всего люди, обыватели, со своими личными заботами и чаяниями, переживающие моменты успеха и неудач.

Ключевые слова: герменевтика, анализ, медиатекст, медиакритика, фильм, школьники, медиаграмотность, медиаобразование, Германия.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: a.levitskaya@tmei.ru (А. Левицкая), l.seliverstova@tmei.ru (Л. Селиверстова)

Copyright © 2019 by Academic Publishing House *Researcher*

Published in the Russian Federation
 European Researcher. Series A
 Has been issued since 2010.
 E-ISSN 2224-0136
 2019, 10(2): 125-130

DOI: 10.13187/er.2019.2.125
www.erjournal.ru

About Alternative Ways of Attracting Investment

Marietta D. Shapsugova ^{a, *}

^a Institute of State and Law, Russian Academy of Sciences, Russian Federation

Abstract

Digitization of the economy leads to the elimination of mediation and the transition to a peer-to-peer economy. The proliferation of digital platforms catalyzes this investment process. Crowdfunding is also a tool for diversifying the investment portfolio. The article discusses the current issues of the development of crowdfunding in Russia. Crowdfunding is an alternative source of financing for small and medium-sized businesses that have difficulty obtaining bank loans. At the same time, in the Russian Federation, there is no special legislation regulating crowdfunding activities. A bill on attracting investments using investment platforms is under consideration in the State Duma of the Federal Assembly. The article analyzes its provisions. The main types of crowdfunding are investigated: investment and non-investment models. The experience of legal regulation and implementation of crowdfunding in the United States of America is given.

Keywords: crowdfunding, crowdinvesting, investment, small and medium business, peer-to-peer economy

1. Introduction

As the small and medium enterprises are the primary sector and the basis for the formation of the middle class experiences difficulties with obtaining bank loans, the state needs to create a legal framework for attracting alternative sources of investment to small and medium businesses. Regulatory bodies, realizing the public interest in the development of small and medium-sized businesses, are taking steps that liberalize the sphere of collective investment.

One of the trends in the digital economy is the elimination of mediation (peer-to-peer economy) through the creation and development of electronic platforms – platforms and aggregators. A similar process has affected the scope of investment. Here, all the more widespread Fintech and investment platforms through which an investor can invest in an investment project.

2. Materials and Methods

The major source of this article is the draft laws № 419090-7 "On attracting investments using investment platforms" and № 419059-7 "About digital financial assets", the Strategy for the Development of Small and Medium-Sized Businesses in the Russian Federation for the period until 2030, the Jumpstart Our Business Startups Act (JOBS Act). The article uses comparative method.

* Corresponding author
 E-mail addresses: shapsugova@gmail.com (M.D. Shapsugova)

3. Discussion

One type of investment is retail investment, or micro-investment, not quite right sometimes identified with crowdfunding. More precisely the name of this type of investment can be considered "equity crowdfunding".

Trust has always been the arbiter of success. The cornerstone of trust has always been liquidity, transparency, efficiency, safety, honesty, reliability. In P2P, trust is built on the simplicity of the interface and operation, accessibility, speed and maneuverability, focus and idea ([The Americas Alternative Finance...](#)).

Along with the traditional ways of investing receive alternative. One of the alternative ways of investing is online platforms. Such investment methods are the most relevant for beginning small and medium businesses. It is difficult for them to obtain a bank loan. On the other hand, crowdfunding allows investors to diversify their investment portfolio of high-risk and, therefore, highly profitable assets. Because crowdfunding can be attributed to microinvestment, the risk of non-return on invested funds is not so frightening.

Investment through an online platform involve certain risks, which include: peculiar startups risks of failure and closure of business, information asymmetry, cybersecurity, fraud risks, and money laundering via online platforms, the risks of closure or incorrect operation of the platform, the risks of illiquidity of the assets acquired through an online platform .

The specified risks can be overcome through appropriate legal regulation:

- Establishments of a special legal status of online investment platforms
- Definition of the legal status of investment participants
- Approval of identification and authentication rules of the investment platform users
- Development of legal mechanisms for making deals using digital platforms
- Responsibility for obligation default
- Guarantees of the rights of investors: temporary account, an extension of consumer protection laws on individual retail investors, etc.

Features of microinvestment using crowdfunding mechanisms can be considered the limit of investment amount into time period. As it will be shown below, the legislation of foreign countries also contains restrictions on the volume of investment and on the amount of the investor's income.

The great popularity in the sphere of microinvestment is gained by a crowdfunding with use of investment platforms.

The development of new instruments for financing small and medium enterprises is mentioned in Part 4 of Chapter IV of the Strategy for the Development of Small and Medium-Sized Businesses in the Russian Federation for the period until 2030, approved by order of the Government of the Russian Federation of 02.06.2016 № 1083-p ([Government of Russian Federation](#)). Thus, collective financing (crowdfunding and crowdfunding) is considered in the Strategy as an alternative source of financing for projects of small and medium-sized businesses in the early stages of development.

The draft law № 419090-7 "On attracting investments using investment platforms" is under consideration in the State Duma of the Federal Assembly of Russian Federation (draft law on investment platforms) ([State Duma of the Federal Assembly of Russia](#)). Previously, it was called "On alternative ways to attract investment (crowdfunding)". The name change is justified since crowdfunding is not only an investment tool; it is also widely used in charity.

The investment platform in this bill is an information system in the Internet used to organize retail financing (crowdfunding).

The draft law uses the term "retail financing", which is not quite successful, does not reflect the essence of investment, the content of which is not equal to the content of the category "investment", since financing can also be repayable and non-repayable, compensable and gratuitous. In the explanatory note to the draft law, the authors emphasize that the draft law covers only those types of crowdfunding, which are related to obtaining financial results for the investment by the investor, and do not regulate the types associated with the donation of funds (donation of property). In this case, it would be more logical using the term "equity crowdfunding."

According to the plan of the developers of the draft law, the operator's investment platform can only be a business entity engaged in the organization of retail financing (crowdfunding) through an investment platform. Such activity refers to the provision of services to provide investors and investment attractors with access to a platform for signing a contracts using this

platform, based on which investments are made (services for organizing retail financing (crowdfunding)).

According to the draft law, participants of the investment platform are investors, and individuals who attract investments.

The investment process is mediated by the conclusion of two types of contracts: on the provision of investment attraction services and the provision of investment promotion services concluded with the operator of the investment platform.

The draft law also operates with the concepts of "token" and "smart contract", with the proviso that these terms are used in this law in a sense defined in the legislation of the Russian Federation. This instruction connects a draft law on investment platforms with other developers of the bill included in a package of bills, which are these definitions - of draft law № 419059-7 "About digital financial assets" (CFA draft law) ([State Duma of the Federal Assembly of Russia](#)).

The CFA draft law defines a token as a type of digital financial asset that is issued by a legal entity or an individual entrepreneur (issuer) in order to raise funds and is recorded in the digital transaction registry. A smart contract also means a contract in electronic form, the performance of rights and obligations under which is carried out by automatically digital transactions in a distributed ledger of digital transactions in a sequence strictly defined by such an agreement and upon the occurrence of certain circumstances.

This definition of a digital financial asset appears to be very narrow since distributed ledger and tokens can be used not only to raise funds but also for charitable, corporate and other non-financial purposes.

Further, in the text of the draft law on investment platform, the term "smart-contract" is almost not mentioned. However, art. 9 of this draft law is devoted to the specifics of signing contracts using the investment platform. Contracts between the participants of the investment platform are signed using hardware and software to access the information contained in the databases of the investment platform. Following Part 3 of this article, actions aimed at establishing, modifying and terminating the rights and obligations of participants in an investment platform can be performed using smart-contracts.

Through the investment platform, an investor can purchase investment project tokens denoting the following property rights (part 2 of article 5 of the draft law):

- 1) the rights (requirements) of the loan agreement granted to the person attracting investments;
- 2) the right to demand the transfer of securities when they are placed (issued) by a person who attracts investments;
- 3) the right to demand the transfer of securities and the exercise of rights under these securities, which are issued by a person who attracts investments;
- 4) the right to demand the transfer of things (things);
- 5) the right to demand the transfer of exclusive rights to the result of intellectual activity or the right to use the result of intellectual activity;
- 6) the right to claim work and provide services.

So, we can state that the adoption of a draft law on investment platforms without a draft law on the CFA will make both of them unviable since the basic definitions used in the first bill are disclosed in the second.

The draft law on investment platforms, as its authors assume, should be in demand in high-tech businesses. However, studies in different countries reveal other trends. Thus, in the USA, alternative investment is primarily attracted to the real estate sector (20 %), technology (12 %), food and beverages (10 %), cinema/entertainment and retail at 7 % each. In Canada, 21 % - in technology, 14 % in public enterprises, food and beverages, e-commerce, Internet, real estate ([The Americas Alternative Finance...](#)).

Equity-based Crowdfunding is popular in technology (47 %), Internet and e-commerce (35 %), financial sector (16 %). Revenue – sharing distribution models in retail (36%), food and beverages (36 %), and technology (19 %). In non-investment models reward-based crowdfunding is primarily a field of art, music, and design.

One of the most famous crowdinvesting projects using the digital platform in Russia is the "Stream", realized Alpha -Bank. "Stream" uses crowdinvesting loan contract model ([Alfa-Bank, a](#)). For operations, the bank developed an Online Service Regulation ([Alfa-Bank, b](#)). The investor

assigns the right of claim under the loan agreement to the bank for debt collection ([Alfa-Bank, c](#)). Thus, the lack of direct regulation of business goes on the way of self-regulation, forming the standards of interaction within the investment platform ([Bulgakova, 2017](#)).

The developers of the draft law on investment platforms in the explanatory note refer to the generalizations of The International Organization of Securities Commissions (IOSCO), pointing out that the bill was drafted taking into account crowdfunding approaches developed by the experience of developed countries laws.

The ways of making investments through the investment platform by the draft law on investment platforms include (part 1 of article 5):

1. Granting loans;
2. Acquisition of securities;
3. Acquisition of a participant's share in the authorized capital of a limited liability company, a share in the partnership company;
4. Acquisition of investment project tokens.

IOSCO distinguishes two types of crowdfunding, each of which is divided into two subspecies ([Crowdfunding: An Infant Industry Growing Fast](#)):

1. Community crowdfunding: social lending/donation crowdfunding and reward crowdfunding – the investor receives goods and services in exchange for a fee
2. Financial return crowdfunding (FR crowdfunding): peer-to-peer lending (loan is issued to the borrower in exchange for interest) and equity crowdfunding (investors buy shares in the company in return for return on invested capital (capital return ratio))

In foreign analytics, there are also two types of alternative financial models: investment and non-investment ([The Americas Alternative Finance...](#)). To investment attitudes:

- Marketplace / P 2 P Consumer Lending – individual and institutional investors issue a consumer loan to a borrower (consumer borrower)
- Balance Sheet Consumer Lending – platform (platform entity) provides consumer credit directly to a borrower
- Marketplace / P 2 P Business Lending – individual and institutional investors provide loans to entrepreneurs
- Balance Sheet Business Lending – platform (platform entity) provides credit to entrepreneurs
- Marketplace / P2P Property Lending – Individual and Institutional Investors provide a loan secured by real estate to a consumer or entrepreneur
- Real Estate Crowdfunding – Individual (individual) and institutional investors (sponsors) provide capital (equity) or subordinated loan to finance real estate to a consumer or entrepreneur.
- Equity-based Crowdfunding – individual and institutional investors (sponsors) buy shares issued by the company.
- Others – less Popular: Revenue-sharing / Profit -Sharing and Debt-based Securities / Debentures

Non-investment model include ([University of Cambridge](#)):

- Reward-based Crowdfunding – Sponsors provide funding to individuals, projects, or companies in exchange for non-cash rewards or products.
- Donation-based Crowdfunding – donors and (donor s) provide funding to individuals, projects, companies have charitable or public benefit purposes irrevocably.

It is necessary take into account the trends in the development of crowdfunding, which in the next years will require international cooperation of states, the signing of international agreements, additional legal regulation ([Crowdfunding: An Infant Industry Growing Fast](#)):

- Cross-border crowdfunding
- Securitization
- Bitcoin crowdfunding
- Whole loan investments

Appeal to the experience of foreign countries can be useful in the context of the study.

In the USA, the most popular form of crowdfunding is P2P lending (about 94 % of the total volume of crowdfunding), then reward-based crowdfunding and equity crowdfunding (2 % each) ([The Americas Alternative Finance Industry Report](#)).

In the USA The Jumpstart Our Business Startups Act (JOBS Act) is accepted. The impetus for the adoption of this act is considered to be the 2008 financial crisis, which led to a drop in small business activity. This act is liberalized attraction investments in startups by simplifying legal regulation in the field of securities.

For Equity crowdfunding, the United States set a new regulatory regime in order to reduce the requirements for compliance platform operators and issuers of securities while protecting investors. The following main areas of legal regulation of crowdfunding in the USA can be distinguished:

- The selection of a new type of Internet intermediary (investment platform, portal-funding portal). All crowdfunding portals must be registered with The United States Securities and Exchange Commission and the Financial Industry Regulatory Authority. The requirements for them are less stringent than for dealers and brokers. However, the portals cannot engage in certain activities, the same as the investment advising on its web site or portal;

- the amount of funds that a company can attract through crowdfunding is limited in the sum and period of time, and company should be registered as well in the United States;

- fundraising companies are exempt from the preparation of the prospectus, but they need to disclose business information to investors in the form of an announcement of the offer, which shall contain information on the structure of capital, directors and officers, the business plan and the risks the intended use of funds and financial reporting;

- imposes restrictions for investors: those investors whose annual income or net worth of the invested assets below the threshold may invest only up to the amount specified in the law;

- Investors must complete a statement about potential risk awareness crowdfunding investments. They also have the right to refuse to investment for any reason within 48 hours before the time specified in the materials of the issuer's proposal.

In the US, there are two main models of P2P lending:

1. P2P platforms provide loans and then hold them on their balance sheet. Platform operators must be licensed to get loans from each state in which they provide such a loan.

2. P2P-platform establish partnerships with banks to issue loans to the borrowers and then acquire loans for sale to investors in the form of investments in a particular mortgage obligation, or in the form of securities. Platform operators act as third-party service providers of banks and are subject to verification by a banking regulator. If P2P operators sell loans to investors in the form of securities, they are subject to securities laws and regulations, including the preparation of a prospectus and the registration of their securities to the Securities Commission.

If the P2P-lending includes loans for individual borrowers, it is also governed by other laws and regulations on consumer credit, the upper limit of interest rates, on the protection of personal data, on the fight against e -money-laundering, in addition to the above regulations Securities Commissions.

4. Conclusion

In the area of crowdfunding, the Russian legislator has a long way to go. Business is already making non-systemic attempts to establish crowdfunding activities in Russia, as is short of credit. We believe that the need to adopt special legislation in this area is overdue, while at the same time we should not forget about the possibilities of self-regulation.

References

[The Americas Alternative Finance...](#) – The Americas Alternative Finance Industry Report [Electronic resource]. URL: https://www.jbs.cam.ac.uk/fileadmin/user_upload/research/centres/alternative-finance/downloads/2017-06-americas-alternative-finance-industry-report.pdf

[Rasporyazhenie Pravitel`stva...](#) – Rasporyazhenie Pravitel`stva RF ot 02.06.2016 N 1083-r Ob utverzhdenii Strategii razvitiya malogo i srednego predprinimatel`stva v Rossijskoj Federacii na period do 2030 goda (vmeste s "Planom meropriyatij ("dorozhnoj kartoj") po realizacii Strategii

razvitiya malogo i srednego predprinimatel`stva v Rossijskoj Federacii na period do 2030 goda"). [in Russian]

[Zakonoproekt № 419090-7](#) – Zakonoproekt № 419090-7 O privilechenii investicij s ispol`zovaniem investicionny`x platform [Elektronnyi resurs]. URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/419090-7> (data obrashheniya 29.04.2019). [in Russian]

[Zakonoproekt № 419059-7](#) – Zakonoproekt № 419059-7 O cifrovyy`x finansovy`x aktivax. [Elektronnyi resurs]. URL: <http://asozd2.duma.gov.ru/main.nsf/%28Spravka%29?OpenAgent&RN=419059-7> (data obrashheniya 29.04.2019). [in Russian]

[Alfa-Bank, a](#) – Alfa-Bank. Obrazecz dogovora zajma Potok. [Elektronnyi resurs]. URL: https://potok.digital/dogovor_v3/OU_DZ_v3.pdf (data obrashheniya 01.05.2019). [in Russian]

[Alfa-Bank, b](#) – Alfa-Bank. Reglament Onlajn ploshhadki Potok. [Elektronnyi resurs]. URL: https://potok.digital/dogovor_v3/reglament.pdf (data obrashheniya 01.05.2019). [in Russian]

[Alfa-Bank, c](#) – Alfa-Bank. Obshhie usloviya dogovora ustupki prava trebovaniya dlya celej vzy`skaniya zadolzhennosti (inkasso-cessii) Potok. [Elektronnyi resurs]. URL: https://potok.digital/dogovor_v3/terms_of_an_cession_agreement.pdf (data obrashheniya: 01.05.2019). [in Russian]

[Bulgakova, 2017](#) – *Bulgakova L.I.* (2017). Razvitie samoregulirovaniya biznesa kak uslovie obnovleniya ekonomiki [Development of business self-regulation as a condition for economic renewal]. *Trudy Instituta gosudarstva i prava RAN*. T. 12. № 3, P. 145. [in Russian]

[Crowdfunding: An Infant Industry...](#) – Crowdfunding: An Infant Industry Growing Fast. [Electronic resource]. URL: <https://www.iosco.org/research/pdf/Internetfinancepart1.pdf> (data obrashheniya: 01.05.2019).

[The Jumpstart Our Business...](#) – The Jumpstart Our Business Startups Act (JOBS Act) [[Electronic resource]. URL: <https://www.congress.gov/112/plaws/publ106/PLAW-112publ106.pdf> (data obrashheniya: 01.05.2019).